

Софья.Эл

18+

ИСТОРИИ ЭПИКА.
ПРИЗВАННЫЙ

Истории Эписа

Софья Эл

Истории Эписа. Призванный

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Софья Эл

Истории Эписа. Призванный / Софья Эл — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Истории Эписа)

Книга 2. Совсем недавно я совершила невозможное и осталась жива. Почему Безмолвная снова не пустила за Врата? Как теперь быть с Крейном, и что ждать от Лавра? Но самое страшное впереди. Наш бой еще не окончен. Чудовище дышит в затылок, его возвращение неизбежно? А Бесконечная война, что была лишь больным уколом в памяти, возвращается. Некромант Валери и Осирис Эрик Крейн ведут расследование. Книга 1 - Истории Эписа. Некромант Книга 2 - Истории Эписа. Призванный Книга 3 - Истории Эписа. Уроборос

Содержание

Связь	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	29
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Софья Эл

Истории Эписа. Призванный

Связь

Глава 1

Валери

Удар энергии врезался в стену прямо в том месте, где секунду назад была моя голова. Кирпичная крошка и куски штукатурки осыпались на пол, поднимая ворох пыли в гостиной. Чихнув, я перекатилась за спинку дивана, потянув за поток, высвобождая его. Ресурсы сегодня еще не использовались, поэтому жизнь послушно скользнула к пальцам, добавляя уверенности. Аккуратно приподняв голову, я выглянула из укрытия. Новый удар устремился прямо на меня. Выставив щит, отразила в многострадальную стену, снова скрываясь за спинкой дивана.

– Бен, мать твою, Ханни! – крик Эли, наполненный болью, сжимал мне сердце. – Если ты немедленно не прекратишь это, клянусь Дарами Всевышнего, как только я вернусь из больницы, мы разведемся!

Очередной стон от участвовавших схваток разнесся по комнате. Это же надо было, час назад Эли весело рассказывала о супер-модных пеленках-распашонках, сидя в гостиной Крейна, а сейчас грозила разродиться прямо на этом диване. Страхнув с волос застрявшую там пыль, я снова высунула нос из укрытия.

Угроза подействовала. Растерянный Бен откинул от себя Книгу, поднимая вверх руки. Растрепанные волосы падали ему на лицо, частично закрывая обзор. Так, ну в это я верила больше, чем в откинутую Книгу. Осторожно выбравшись из укрытия, я взяла Эли за руку, боковым зрением наблюдая за Ра.

– Лучше бы ты так на мертвое реагировал, Бен, – сказала я, разозлившись из-за разнесенной гостиной.

Призванный, о котором шла речь, усмехнулся, удобнее устраиваясь в местах разорванном кресле.

– Валери Крейн, – серьезный голос подруги, перемешанный со стонами, одернул меня, – еще раз услышу, как ты называешь моего брата мертвым или призванным, я позволю сделать Бену с тобой все то, о чем он так долго мечтает!

Кивнув, я натянула притворную улыбку, крепче сжимая руку Эли. Ее боль, тяжелая и резкая, наполнила сознание. Потянув на себя, сделала глоток. Никому не нужные страдания. Глядя на Эли, я думала, что это подарок небес, не помнить свои роды.

Крейн меня убьет. Оставил на день мать с ребенком, а я разнесла ему дом. Ведь все так хорошо начиналось. Начитавшись всякой педагогической литературы, я пришла во всеоружии. Мой сын, закатив глаза, отчего еще сильнее стал похож на отца, героически выдержал овсяную кашу, зарядку, обливание холодной водой и бег вокруг дома. Но когда на обед я торжественно презентовала суп с подгоревшим луком, его терпение лопнуло. Обвинив меня в том, что он хоть и воин, но еще маленький, Макс объявил голодовку, требуя бабушкин обед. Так вот, все те, кто считает, что мне несладко жилось на войне. Вы когда-нибудь умоляли на коленях шестилетнего ребенка не звонить бабушке? О, он был по-настоящему беспощаден. Снисходительно глядя мне в глаза, быстрым движением маленького пальчика сын безапелляционно набрал номер Натали. Глядя, как Макс, медленно выговаривая каждое слово, просил бабушку

приехать, пока его окончательно не отравили, я просто мечтала оказаться где-нибудь среди чудовищ. Надо было поспать на супе?

Конечно, бабушкин обед ели мы уже оба. Натали было без разницы, сколько и кому лет. Отчитав нас обоих, правда, по очереди, за что огромное спасибо, Осирис отсчитала каждому столько половников, сколько посчитала нужным. Если честно, у меня сложилось впечатление, что у моего сына желудок гораздо вместительнее моего. Я в жизни столько не ела. Рабосы привыкают питаться впроголодь. Но на все мои аргументы, начинающиеся от конструктивных и заканчивающиеся «я-некромант, злой и беспощадный», мне просто подливали суп.

После совершенного надо мной насилия Макс, сыто зевая, отправился спать в свою комнату, а Натали устроила допрос. И почему меня так удивляло, что Эрик стал детективом? Его мать была настоящим детектором лжи. Но на большинство ее вопросов я сама не знала ответа.

– Почему вы не живете вместе? – спрашивала Натали, убирая с плиты вкуснейший, надо отметить, суп.

Вот откуда мне знать? Анна завещала свою квартиру Макс, и Эрик разрешил мне остаться там. Меня никто не звал в дом, не приглашал вернуться и восстановить семью. А говорить недавно воскресшему, что я спустя почти десять лет наконец приняла, что люблю его, было боязно. Все-таки в легенде говорилось о том, что смерть способна разорвать связь. Тем более была Елена. Рядом с этой фигуристой красоткой я тихонечко обтекала в тенечке. Думать о том, что он каждый день проводит с ней, не хотелось. Кажется, что я никогда не сомневалась в себе больше, чем сейчас. Да и без наших соплей дел сейчас была масса. Но Натали была катастрофически не согласна.

– Почему ты не носишь родовое кольцо? – тоном, не дающим и шанс на уход от ответа, спрашивала Натали.

Признаться, что реликвия осталась где-то далеко, в затопленных подземельях, под Исидой, как-то не хотелось. Эта железка передавалась из поколения в поколение Крейнов, пока не попала в руки Рабоса. Ну вот и как после этого не понять, почему благородные нас недолюбливают?

Выдержав двадцать минут наедине с матерью Эрика, под предлогом посещения уборной я срочно вызвала Эли на помощь. Казалось, что теперь-то день должен наладиться. Но куда там. Моя подруга, задавшись целью уладить межвидовой конфликт в виде треугольника, где был Ра, некромант и призванный, притащила с собой и мужа, и брата. Весело щебеча, она носилась от одного к другому, стараясь, чтобы завязался разговор. Мы трое сначала даже не поняли, что схватки были реальными. Настолько казалась Эли серьезной в своих намерениях. Ну а уж когда до меня дошло, на уровне инстинктов я потянула боль из подруги. За что и была тут же атакована взбесившимся Беном.

Очередной крик вырвал меня из размышлений. Эли сжала мою руку так, что захрустели кости.

– Эли, что же ты так орешь, – больше от испуга сказала я, – люди умирая так не орут.

– Ох, Валери, как же ты кричала, – вошедшая Натали присела рядом с нами. – Эли по сравнению с тобой мастер терпимости.

Усмехнувшись, я снова потянула чувства Ра на себя. Ну конечно, рядом со мной небось не сидел некромант, усмиряющий боль. Посмотрев на Осирис, я задала свой молчаливый вопрос. Женщина кивнула.

– Скоро будут, – прошептала Натали, наблюдая за мучениями Ра, – все идет хорошо. Усыпи девочку, минут двадцать отдыха ей не помешают.

– Нет! – закричал Бен. – Нельзя! Она должна быть в сознании.

Приподняв бровь, Натали посмотрела на Ра, презрительно окидывая того взглядом.

– Ты еще женщину рожать поучи, Ханни, – проговорила Осирис, повернувшись к Эли, – поспим чуть-чуть, милая?

Подруга кивнула, вытирая выступивший на лбу пот. Красное от напряжения лицо еще раз скорчилось от боли. Погладив ее по щеке, я улыбнулась, призвав потоки.

– Спи, – и, потянув на себя, я замедлила их с ребенком дыхание.

Эли зевнула, закрывая глаза. Кажется, что облегченно вздохнули мы все. Расслабившись, я опустилась на пол, оглядывая гостиную. Да, ну и натворили мы дел. Ничего, до вечера есть время, что-нибудь придумаем. Ободряюще улыбнувшись, я поднялась с пола. И уперлась взглядом в серые глаза, наполненные злостью.

– Что здесь происходит? – металл скользил в голосе, а я поспешно опустила голову. – Валери?

Пытаясь подобрать слова для короткого описания происходящего, я перебирала в голове варианты. Смотрящий стоял слишком близко для того, чтобы можно было ясно мыслить, невольно отступив, я почувствовала, что врезалась в кого-то спиной. Тонкие белые пальцы с аккуратным маникюром сжали мои плечи, успокаивая.

– Сынок, как ты рано! – Натали вышла из-за моей спины, подхватывая сына под локоть. – Пошли скорее, я тебя покормлю. Там столько еще осталось вкуснятины. Твоя жена, Эрик, совсем ничего не ест.

Кажется, моя казнь откладывалась на неопределенный срок. Развернувшись на пятках, я оглядела своих потенциальных союзников.

– Так, предлагаю перемирие. Натали не удержит его надолго, а никому из нас не поздоровится, если здесь останется такой бардак, – Лавр засмеялся, но послушно кивнул головой.

Бен, посмотрев на мирно спящую Эли, со вздохом, полным боли и отвращения, кивнул. Ну да, мы с Максом для него были примерно на одной ступени. Стоп. Когда это призванный успел стать для меня Максом?

Отправив Бена и призванного вместе с Эли в больницу, я наконец упала на диван, разглядывая дело рук своих. Ну, на троечку. Конечно, небольшой ремонт Эрику все же придется сделать. Но я бы точно не стала убивать того, кто так старательно вылизал всю гостиную. Чистоту, царящую в помещении сейчас, я бы назвала стерильной. В шесть рук мы влезли в каждый угол, а в завершение я распахнула окна, впуская аромат распустившихся в саду цветов. После почти трех недель жары в Эписе погода нормализовалась, наконец перестав убивать все живое на поверхности.

Крейн опустился на диван рядом со мной. Невольно я тут же выпрямилась, напрягаясь. Эрик смотрел на мое лицо, словно изучая. В последнее время именно такой взгляд я ловила от него. Расслабленно лежащие на коленях руки, закатанные рукава рубашки и растегнутый ворот говорили о спешке, с которой Крейн возвращался домой. Легкая улыбка коснулась губ Осириса, а я отвернулась, пряча лицо.

– Знаешь, Вел, когда в Башне Смотрящих ко мне подошли медики и сказали, что к нам выехала машина, я даже не удивился. Но вот когда спросили, на каком сроке моя жена, – Крейн засмеялся, – я несколько встревожился.

Продолжая смотреть куда-то в стену, я заламывала пальцы, хрустя костяшками. Как же все это сложно. С чудовищами проще, правда.

– Прости, – я не узнавала свой голос, – я не справилась. Пришлось вызывать Натали, а потом прятаться от ее допроса. И вот, – я развела руками вокруг себя, – мы чуть-чуть повздорили с Беном.

Эрик не выдержал и рассмеялся. Его хорошее настроение приятно щекотало обоняние, заставляя и меня улыбаться. Ну вот, никто не умер, а ты боялась. Хотя я просто не хотела его расстраивать. Заставлять разочаровываться в себе еще больше. Слишком многое мы потеряли из-за моей глупости. Обеспокоенно повернувшись, я внимательно разглядывала его лицо. Вроде бы все нормально.

– Как ты себя чувствуешь? – задала я вопрос, который повторяла каждый день последнюю неделю. – Что-то болит? Возможно, странные эмоции? Потребности? – обеспокоенно наблюдая за движением черных зрачков, я придвинулась ближе.

Эрик перестал смеяться. Его лоб покрылся морщинами из-за того, как он хмурился. Ему были неприятны мои допросы, но я ничего не могла с собой поделать.

– Вел, со мной все нормально. Перестань. Я не твой эксперимент, не опыт и не чудовище, вырвавшееся на свободу. Я живой человек, – Крейн хмыкнул, пальцами убирая волосы с моего лица, – и потребности у меня как и у любого человека.

– Крейн, я говорила тебе, что ты отвратительный пошляк? – спросила я, снимая ладонь со своей щеки.

– Давай подумаем? – притворно посмотрев на меня, Эрик старательно изображал бурную мыслительную деятельность. – Раз сто? – засмеявшись, Крейн повалил меня на диван.

Когда-то давно дурачиться так было легко и естественно для меня. Пробыв же пять лет среди некромантов, в воздержании для поддержания чистоты мыслей, открыв в себе Исиду, в каждом движении сейчас я видела намек. Нет, так я снова сойду с ума. Тело охотно подчинялось каждому движению Крейна, не понимая, почему сейчас я старательно сопротивляюсь, а не подстраиваюсь под каждое движение того, к кому так влечет. Идея, которая показалась бы мне безумной секунду назад, сейчас была гениальной. Перехватив движение Крейна ногами, я повалила его на пол, оказавшись сверху. Быстро оглянувшись на выход и не заметив никого там, я повернулась к смеющимся серым глазам.

– Крейн, – голос не слушался меня, и я закрыла глаза. Так легче говорить. – Давай переспим.

Тишина, повисшая в гостиной, не предвещала ничего хорошего. Нет, все же это была откровенная глупость. Осторожно слезая с Осириса, я привалилась спиной к дивану. Слова оправдания тут же выстраивались в голове в убедительные предложения.

– Прости, – я кашлянула, отводя взгляд, – просто последний раз секс у меня был больше пяти лет назад, – потирая зудящий шрам, пробормотала я. – У некромантов, знаешь ли, не приняты телесные наслаждения. А в Эписе искать кого-то сейчас, когда мы заняты делом, слишком, – прокашлявшись, я продолжила: – Ну а мыслить дальше ясно, когда голова забита другим, как-то сложно.

Крейн сел на полу. Его лицо будто окаменело. Безмолвная, что же я снова не так говорю?

– Мы же уже состояли с тобой в подобного рода отношениях, – прочистив горло, я повернулась, – вот я и подумала, что, если ты не против...

Закончить фразу мне не дала забившая рот и ноздри злость Осириса. Ой-ей-ей, кажется, я ступила на опасную территорию. Ну да, куда я лезу тут со своими не самыми заманчивыми предложениями. Крейн поднял на меня взгляд. Кинуться ему на шею хотелось прямо сейчас. Я отвернулась.

– Почему бы тебе не обратиться к Лавру? С ним ты тоже состояла в «подобного рода отношениях», – голос Эрика был пропитан ядом.

Серьезно? Все настолько плохо? Надежда на то, что связь уцелела, утекала сквозь пальцы. Ничего. Видимо, так решила Безмолвная. Главное же, что он жив. Закрыв глаза, я заставила себя улыбнуться.

– Прости, Эрик. Давай просто забудем об этом, хорошо? – слотнув ком, вставший в горле, я открыла глаза. – Как-нибудь справлюсь с этим.

Крейн кивнул. Его горло дернулось, и Эрик отвернулся. Я поднялась с пола, подхватывая стоявший в углу рюкзак. Слезы рвались наружу, но я держала их до последнего. Чуть-чуть потерпеть. Справившись со своим голосом, я повернулась.

– Раз ты дома, я тогда пойду. Надо подумать, что еще я упустила, возможно, что-то из следов, – Крейн не поворачивался ко мне, просто кивнул еще раз, – пока!

Махнув рукой, я вышла из комнаты.

Предательские слезы навернулись на глаза, а где-то внутри сжался кулак, раздавливая мое сердце. Ничего. Он же жил как-то с этим столько лет? Учитывая количество приключений на мою задницу, мне мучиться не так уж долго.

Эрик.

Все слова о том, что она теперь понимает, что я чувствовал, были просто неверно мной истолкованы? Осторожные прикосновения, когда Валери очнулась, только исследовательский интерес? Всевышний, нужно заниматься делом, а голова теперь забита этой ерундой.

Давай переспим.

Она рисковала своей жизнью, чтобы вернуть тебя, Крейн.

Да, потому что много лет испытывала чувство вины. Вот и все объяснение. Чертова благодарность, заставившая ее пройти по тонкой нити над пропастью. Непонимание, что делать со своей собственной жизнью. Сколько можно уже в каждом движении Валери ловить признаки связи, пытаться подстроить ее поведение под нее? Мне до сих пор больно было вспоминать момент, когда она тонула в Исиде. Когда очнулся, побывав за гранью, я был уверен, что уж моя смерть точно вызвала в ней что-то подобное. Жесткий, выворачивающий внутренности смех вырвался из моего горла.

Ведь так поступают друзья?

Все кончено, Эрик Крейн. Если уж ты умер у нее на глазах, а связь не отозвалась, то ничто больше не способно пробудить ее. Закрыв глаза, я старался привести мысли в порядок, но не вышло.

Еще сегодня утром думал о том, что когда вернусь домой, она будет тут. Потому что так захотела сама. Попросила. Первый раз за столько лет она сама пришла в этот дом. В наш с ней дом. Стараясь не давить, я рассчитывал, что связь сама приведет ее. Больше всего не хотелось спугнуть то, что только начинало зарождаться.

Показалось, что начинало.

Раз ты дома, я тогда пойду.

Она не хотела быть рядом. Почему это так удивительно сейчас? За столько лет можно было и привыкнуть. Перестала ненавидеть, и то хорошо. Больше не осыпала проклятиями и не кивала, словно безвольная кукла. На что еще я рассчитывал?

На то, что семья, которой никогда и не было, вдруг станет настоящей? Валери любила сына, поэтому старалась бывать здесь как можно чаще. Она скучала по нему пять бесконечно долгих лет.

У нее никого не было после тебя, Крейн.

Голос внутри цеплялся за какие-то крохи надежды, заставляя думать о том, о чем не следовало. Она же объяснила почему. У некромантов не принято, а здесь она с утра до ночи или носится по делу, или с сыном.

То, что теперь Валери будет решать вопрос с другим, сжигало изнутри. Почему я промолчал?

Да потому что это унижительно, Крейн.

С другой стороны, она думает, что связи нет. А значит, никто, кроме меня самого, не будет считать это унижительным. Нам было хорошо вместе. Значит, будет снова.

По-моему, теперь я сходил с ума, подобно ей создавая себе Мир, которого никогда не будет существовать.

Глава 2

Наполнив ведро водой, я подошла к окну. Еще раз бросив взгляд на разложенные на столе вырванные из блокнота листы, опустила тряпку, бывшую когда-то майкой, в моющий нехитрый раствор. Уксус да спирт. Запах, конечно, так себе, но учитывая грустное финансовое положение, тратить скромные сбережения на то, что в силах сотворить своими руками, не стоило. А такой смесью мы окна еще в Доме обрабатывали. Чисто, дешево, обеззараживает.

Таким же раствором некроманты часто подготавливали тела будущих созданий. Хлорка для них считалась неподходящей, так как при неосторожном использовании или чрезмерном усердии легко было сразу отравить первый вздох существа. Ее использовали только для обработки тех, кому уже все равно. Жертв.

Кинжал, молниеносным движением, входящий в грудь Осириса.

Выронив ведро из рук, я медленно сползала на пол, придерживаясь за стену. Чувствуя, как ноги окутывает разлившаяся вода, закрыла глаза. Спазм скрутил все тело, не позволяя сделать вдох. Я в безопасности. Все хорошо. На глазах выступали слезы. Пытаясь ухватить ртом воздух, что было сил прижалась к холодной стене. Панические атаки, мои старые добрые друзья. После того, что произошло в пещере, когда я вытянула все, до чего смогла дотянуться, приступы случались практически каждый день.

Перед глазами наконец прояснилось. Кружившаяся комната собралась в одну картинку. Вставать не рискнула, осматривая зону поражения. Вода из ведра разлилась по всему полу, затапливая небрежно валяющуюся майку. Одежда на мне промокла, провоняв насквозь потом и уксусом. Неприятная дрожь не унималась. Подняв перед глазами руки, я смотрела на то, как с кончиков трясущихся пальцев стекала густая слизь. Несмотря на то, что времени прошло достаточно, пораженные потоки продолжали выходить из тела. Закрыв глаза, я глубоко вдохнула.

Больше нет смысла отгонять эти мысли. Закрыв печатями то, что осталось, старалась не считать, сколько там плескалось внутри меня. Не хотелось признавать, но живые потоки, соприкоснувшись с воссозданной энергией мертвого, видоизменились. Не знаю как, но они не подчинялись так же охотно, как раньше.

Энергия – к энергии, жизнь – к жизни, мертвое – к мертвому.

Какой из этих законов я еще не успела нарушить?

Теперь голод нападал в самые неожиданные моменты, даже тогда, когда резерв, казалось бы, полон. Спешить сообщать об этом некромантам не стала. О самом воскрешении не известно никому, кроме нас с Крейном и того, кто забрал остатки тела Оливера и Книгу. Пусть так и остается. Вернувшись снова оттуда, откуда не возвращаются, как-то не торопилась назад.

На этот раз я помнила, что произошло там.

Безмолвная никогда не делает ничего просто так. Пожертвовав собой, я должна была сейчас стоять в очереди к Вратам в надежде, что кто-то из потомков Рабосов сможет искупить вину перед Всевышним. Но как воины могли это сделать, если Бесконечная война окончена? Та часть слов Рэндала, которая беспокоила. Неужели он в чем-то был прав? Ведь Оливер существовал на земле гораздо дольше любого Осириса.

Он был одним из первых Рабосов.

Мысль, не дававшая мне покоя все это время. Та, которую я пыталась уловить, и она каждый раз ускользала. Сглотнув комок, вставший в горле, я поднялась с пола и оперлась руками на подоконник.

Кто убил Оливера?

Перед глазами стоял выжженный лес. То, в чем он так боялся признаться. Ведь очень долго я считала, что это совершил не Осирис. Выброс Крейна. Момент, когда Эрик осознал и призвал свою мощь.

Так, может быть, и Чудовище убил Осирис этим выбросом? Тогда, если Оливера воскресят, у нас нет шансов. Ведь сильнейший из живущих не сможет причинить ему никакого вреда.

Но ведь если бы Чудовище было живо в момент выброса, оно тут же подняло бы свое войско обратно. Собранное из его веками отточенных экспериментов, улучшенное. Смесь всех трех составляющих закона. Энергия. Живое. Мертвое. Оливер просто не мог погибнуть от прикосновения к живой энергии Осириса.

Я же видела, что было с Рэндалом. Сила Крейна уничтожала его оболочку, но не причиняла вреда мертвому телу. Дело в потоках призванного? Тогда почему лазутчиков и чудовищ Эрик уничтожал без труда?

А ведь Рэндала Оливер создал не своими руками.

После смерти.

Шрам на шее зудел, воспалившись от выступившего на спине пота.

Ты забыла, что я не примитивный, Валери?

Учитывая, насколько тщательно Чудовище подготовило свой план возрождения, я не сомневалась, что у него был запасной вариант. Вцепившись пальцами в волосы, я прижала взрывающуюся голову к коленям.

Нет.

Ведь воскрешение Эрика не могло тоже быть частью его плана?

Его тело, плавящееся как воск, которое я не стала упокаивать, экономя потоки для Крейна. Второй, который пришел и забрал все необходимое, но...

Не убил нас.

Сердце в груди грозило вывернуть ребра. Ведь он мог просто сжечь наши тела. Уничтожить, пока нас обоих не было. Вместо этого он приходит и спокойно забирает Книгу и тело, убедившись, что ритуал совершен.

Видоизмененные потоки, соприкоснувшиеся с ложной энергией мертвого. Его бесконечные эксперименты смешивания.

Нет.

Он не мог продумать настолько. Предсказать. Это было невозможно. Безмолвная могла меня не вернуть.

Правда, Валери? После того, что он, скорее всего, знал о потоках в тебе, о твоём двойном возвращении, так сложно было предположить, что она вернет тебя и в третий раз?

Рабос, существовавший практически с момента создания нового Мира.

Почему же законы некромантов запрещают смешивать три главных составляющих?

Ведь этот вопрос был с самого момента пребывания там. Все, что я делала... Утерев пот со лба, кинула взгляд туда, где раньше было зеркало. Я пыталась нарушить эти законы с момента появления мысли стать некромантом.

Так ли ты не похожа на своего отца, Валери Крейн?

Чудовище.

Глубокие, черно-синие глаза, как цвет бурной Исиды. Оливера.

Мои.

Моего сына.

Грохот в дверь заставил меня дернуться. Кто-то грозился вынести ее, если бы не установленная на ней защита. Призвать поток? Вряд ли бы сообщник убийцы стучал, прежде чем войти. Нет, эти ребята действуют по-другому. Барабанный стук не прекращался.

Оттянув защиту, я распахнула дверь. И тут же еле успела поймать свалившегося на меня призванного. Тело Лавра трясло в лихорадке, а изо рта стекала красная жидкость. Зеленые глаза на вмиг побелевшем лице открылись. Из последних сил, Лавр раскрыл пересохшие губы.

– Помоги, Вел.

Тело расслабилось на моем плече, отчего я следом сама чуть не сползла на пол. Так, ладно, я клялась ему помогать, пока он чувствует себя Максом Лавром. Собравшись с силами, практически волоком, вытирая разлитую воду, дотащила тело Ра до кровати. Тяжелые нынче призванные пошли. На кровать я его точно не закину.

Усевшись на пол, приступила к осмотру.

Внешних повреждений тела не было. Призвав потоки, я мягко обволакивала ими каждый сантиметр кожи Лавра. Сама оболочка для призванного очень важна. Ведь от ее целостности зависит целостность и сохранность духа внутри. Не зря тела тщательно подготавливали к ритуалу. А учитывая то, в каком состоянии было тело, когда я его помнила, риск упущенных некромантом деталей слишком велик.

Загорелые мускулистые руки.

Куски жженой гниющей плоти около лица.

Вздрогнув, я тряхнула головой, стараясь не отвлекаться. Каждая черта лица Ра выражала мужественность. Сейчас же на нем застыло выражение мучительной муки. Приоткрыв веки, я тихонько вкинула нить потока по его слизистой.

Второй слой – внутренний.

Сложнейший механизм восстановления полной биологии для создания имитации. Снова вырастить недостающие кости, затянув их мышцами, и одеть в кожу – не так трудно. Наполнить сосуды кровью, восстановить сеть нервных клеток, восполнить жидкостью в нужном количестве, воссоздав каждый орган таким, каким он был до смерти.

На это у некроманта могли уйти недели. Иногда месяцы.

Мягкое сердце, больше жидкое, напоминающее желе сильнее, чем мышцу, в моей руке.

Просто не думать об этом. Сейчас это существо дорого Эли, Мэри. Моим важным людям. Помочь. Найти, что сбилось в этом механизме, и починить. Не относиться, как к человеку. Не думать про то, что нас связывало.

Не думать о том, что кто-то мог совершить невозможное с ним.

Ведь только в одном случае биология восстанавливалось во время самого ритуала. Лишь легкая подготовка тела для визуализации и удобства.

Воскрешение.

Но Лавр не был воскресшим. У него не было оболочки энергии, лишь потоки.

А ведь и у тебя нет оболочки энергии, Валери.

Тряхнув головой, я отогнала мысль. Потоки мертвы, они движутся лишь из-за того, что воссозданы. Его убийца не может причинить ему вреда. Он не воскресший.

Твои-то потоки, конечно, живы.

Разозлившись, я пнула ведро, стоявшее рядом со мной. С грохотом оно покатилося по полу, проясняя сознание. Руки тряслись, не давая сосредоточиться. Как я начала сходить с ума прошлый раз? Панические атаки, возникающие от одной мысли о поступке Крейна. Через пару дней я уже разговаривала вслух с самой собой. Дальше темнота на долгие полгода, пока не родился Макс.

Этого больше никогда не повторится.

Сбой в работе сердца заставил брови подняться от удивления. Надо же. Обычно ему некромант уделяет самую высокую долю внимания. А тут практически разрыв сосуда внутри него, вызвавший отток потоков. Расстегнув рубашку, я еще раз проверила внешние повреждения. Ничего. Идеально ровная кожа, нет нарушений на ребрах и мышцах. Положив руки на грудь Ра, я потянулась к резерву.

Сегодня обязательно питаться.

Восстановить биологию, не касаясь его. Попробуем. Повреждение несильное, просто уплотнить стенки. Потоки послушно проникли в грудь призванного, вызывая регенерацию оболочки.

Разве сейчас не идеальный момент успокоить его?

Не могу. Он помог, а я обещала.

Убедившись, что оболочка восстановлена, собрала утерянное присутствие, растекшееся красными пятнами, и толкнула обратно в тело Ра. Глаза открылись в ту же секунду. Лавр сел, жадно вдыхая ртом воздух.

Не-Макс.

– Кем ты себя чувствуешь? – задала я вопрос, осматривая зрачки призванного.

Знакомая усмешка отразилась на лице. Сильные руки прижали меня к себе, повалив на пол. От неожиданности я взвизгнула, оказавшись прямо под призванным. Приехали. А зеленые глаза смеялись, рассеиваясь лучиками в уголках глаз.

– Тем, кому нравилось видеть тебя так, – сказал Макс, потянувшись ко мне.

Нет.

Отвернувшись, я выставила вперед ладонь, не позволяя мертвому телу коснуться себя. В том, что возродившаяся биология стремилась к жизни, не было ничего противоестественного.

Но только не я.

Белые кости, сверкающие под светом луны.

О, да, сейчас и вот там, ниже пояса, оно, конечно, тоже мертво.

Это не имеет ко мне никакого отношения.

Гнев, ворвавшийся в комнату, грозился задушить меня. Ослабев, я жадно вдохнула то, до чего смогла дотянуться. Горький, острый, похожий на перец чили. Обжигающий внутренности. Но безумно родной, уже знакомый мне самой.

– Лавр, слезь с нее, – шипящий голос Эрика разорвал тишину, а Макс засмеялся, – продолжите после того, как Валери наконец приступит к делу.

Воспользовавшись тем, что призванный отвлекся, одним движением выкатилась из-под него, поднимаясь на ноги. Насквозь промокшая, воняющая уксусом, залитая красными пятнами присутствия, я, конечно, являла собой верх привлекательности.

– Стучаться не учили? – хмыкнув, Лавр сел на полу и не думал застегивать рубашку обратно. – Где же ваши манеры, Осирис Эрик Крейн?

– Там же, где и твои, Лавр. Перворожденный Ра с женой Осириса? – усмехнувшись, Крейн сложил руки на груди. – Нигде не защемило, друг?

Призванный засмеялся.

– Беру пример с тебя, друг. Как насчет того, чтобы не спать с чужими девушками?

– Я упокою вас обоих прямо сейчас, если вы не прекратите обсуждать меня в моем присутствии. Внесем ясность, – я повернулась к телу Макса, – с тобой мы расстались, – призванный хмыкнул, – точнее, с тем, чье тело ты занимаешь, – развернувшись на пятках, тут же окунулась в серый туман, – с тобой, Эрик Крейн, если мне память не отшибло, тоже.

Тишина, казалось, была вечной. Осирис усмехнулся и поднял вверх правую руку. Кольцо блеснуло на пальце. Стоп. Зачем?

– Что-то я не помню, что мы подписывали документы о разводе, – я практически не слышала, что говорил Крейн.

Взгляд был прикован к серебряному обручу, мужской версии родового кольца Крейнов. Почему я не обращала внимания? Но ведь если вспомнить... С момента первой встречи, спустя пять лет, оно всегда было на нем. Так, может, все-таки?.. Я подняла голову и тут же встретила с ледяным взглядом Эрика. Нет. Просто это ему зачем-то нужно. Не думать об этом.

– Если тебе это так мешает – подпишем, – слова царапали горло, и я отвернулась, – просто, если я правильно помню наши законы, по факту ты – вдовец. Ступив на землю некромантов, я перестала быть правовой единицей.

– Тем не менее каким-то чудесным образом тебя, Валери Крейн, зачислили в штат Смотрящих, – Лавр рассмеялся, но Эрик не обращал на него внимания, еще бы, он был так занят уничтожением меня сейчас, – законы меняются, Вел.

Прокашлявшись, отгоняя подошвой тапок от себя воду, я замялась. Работа была очень нужна. Дело с Чудовищем не окончено. Но находиться каждый день рядом с Крейном значит заранее сойти с ума от раздражающих чувств. Как он вообще с этим жил? Я готова была кинуться ему на шею прямо сейчас, и плевать, что в комнате призванный. Безмолвная, сил, пожалуйста. Надо уже расставить все точки в этом вопросе. Закрыв глаза, я вдохнула поглубже.

– Спасибо. С радостью приступаю к делу, – кивнув на его руку, я прокашлялась, – вот с этим вопрос закроем, как только посчитаешь нужным.

Лавр прокашлялся, привлекая внимание. Утерев воображаемую слезу, призванный зааплодировал, поднимаясь с пола. Я так и не нашла в себе сил посмотреть на него.

– Такой концовки легенда про Осириса и Исиду явно не предусматривала. Смотрите-ка, вот и вечная любовь закончилась. Печально, Крейны, – застегнув рубашку, призванный повернулся ко мне, – ты могла упокоить меня, Вел, сегодня. Но помогла, как и всегда, – теплая живая улыбка расплзлась по его лицу, – спасибо, Вел.

Отвернувшись, Макс вышел из комнаты, закрывая за собой входную дверь. Стараясь не обращать внимания на Крейна, я вытащила из ведра тряпку и стала собирать разлитую воду. Осирис молча присел на кровать, наблюдая. Его взгляд наткнулся на разложенные листы блокнота, и он отвлекся, перебирая бумажки в руках. Дышать сразу стало немного легче.

– Какие мысли? – не отрываясь от листков, задал вопрос Крейн.

В очередной раз выжав тряпку, я вытерла взмокший лоб.

– Твое воскрешение может быть частью плана Оливера. Нам нужен его убийца. Я сомневаюсь, что, создавая гибридов, Чудовище оставило себя неизменным.

Когда-то, Дом Рабоса

Валери

Швырнув рюкзак о стену, я с облегчением наблюдала, как мои скромные пожитки высыплются на пол. Заевшая молния, не желающая закрываться на протяжении долгих минут, бесила настолько, что вид валяющейся тряпки приносил спокойствие. Вся моя жизнь влезла в эту маленькую сумку. Девятнадцать лет. Ненавистные стены, бесконечные походы, жизнь, которая должна была закончиться. Я сползла спиной по стене и уткнулась лицом в колени.

Бесконечное количество человек, оставшихся на страницах моей Книги. Они не переставая мелькали перед глазами. Я уже не обращала внимания на гнилые доски стен и плесень, покрывающую их. Вьюга за окном проникала в каждую свободную щель, но было все равно. Дом всегда был таким. Жестоким. Клеткой для зверей с целью сделать сильнее, злее. Ольга, Черный, мальки. Макс. Почему я, не понимающая, что делать дальше, осталась здесь, а все они у Врат? Рабосы, чей смысл жизни и заключался в прекращении этого кошмара. Мы все шли, готовые остаться там, без надежды на будущее.

Война, идущая с начала гнева Всевышнего, окончена.

Мы прекратили ее, братья и сестры. Пусть Врата откроются для вас. А за ними ждет бесконечный сытый день, наполненный любовью и уважением. Больше никаких клейм, плетей, хлыста, ранений. Никакого ужаса. Больше никаких чудовищ. Всевышний, пожалуйста. Они заслужили твоего прощения. Пусти их всех. Они герои, прекратившие сияние пламени Врат на земле.

Тошнота подкатила к горлу, но, сглотнув слюну и зажав рот рукой, я справилась. Злые слезы высохли на щеках, стягивая кожу. Мысли путались, но одна настойчиво выходила впе-

ред. Благородные, погибшие плечом к плечу с Рабосами. Перворожденные Ра и долгожители Осирис. Для них хотя бы был прямой путь за Врата. Но их не должно быть там. Макса – не должно. Зеленые, словно сочная трава или весенний лист, напитанный солнцем, глаза. Поцелованные лучами солнца. Два глубоких, не дающих и шанса отвлечься, изумруда.

Крышка деревянного гроба, не дающая больше никогда посмотреть и прикоснуться. Зачем я тогда кричала на него? Ведь Лавр был бесконечно прав – его не должно было быть там. Не с нами. Не со мной. В день, когда лес окутало пламя, поглощая все, что встречалось на пути, Макс должен был быть дома. Наполненные болью глаза Эли. Такие же, как у него. Бесконечная пытка. Прости меня, Ра. Прости, умоляю тебя. Ты был во всем прав, абсолютно. Я дура. Если бы не я, сейчас нас встречал Мир, полный чудес. Нас обоих. Я натворила столько ошибок, что просто не понимаю, как все это исправлять. Сладковатый запах горящей человеческой плоти вперемешку с ужасом, охватившим в ту же секунду. Я должна была быть там вместе с тобой, Макс. А была с Крейном. Три бесконечных месяца я делала то, чего сейчас никак не могу понять. Пока не увидела деревянный ящик, навсегда отобравший у меня тебя. Глупые обиды, безумие, охватившее нас. Ощущение последнего дня каждый восход солнца. Что меня толкнуло к Осирису? Каким чудом мы выжили в день безумного пожара? Почему я вообще была с ним, если всю свою жизнь люблю тебя?

Мне же не могло показаться?

С самого детства, как только ты и твоя сестра появились в Доме – вы были рядом. Даже твоя мать любила меня. До момента смерти. Я даже не успела сказать ей, что у нее будет внук. Не знаю почему, но я уверена, что этот ребенок – твой. А как может быть иначе. Мы любили друг друга, несмотря ни на что. Именно от этого чувства и появляются дети.

Когда я поняла, что беременна, по моим расчетам прошло уже больше трех месяцев. Казалось всегда, что такое невозможно не заметить. В бесконечном походе, в безумии, охватившем тогда, в итоге сама потерялась во времени. И когда поняла... Но тогда разве на войне это имело значение? Я не знала, проснусь ли завтра, поэтому это последнее, что беспокоило. Теперь же не дающая покоя тошнота, которую раньше легко было скинуть на недосып, сводила с ума. Да, когда поняла, последнее, чего мне хотелось – это рождения этого ребенка. Сейчас я просто не понимала, что делать в Мире, в который меня выпинавали из Дома. Может, когда он родится, твоя мать сможет принять хотя бы его? А я придумаю, что делать. Говорят, что Рабосы легко находят мелкую грязную работу. Ничего, уж к этому мы привычные.

Дверь в маленькую каморку с жутким скрипом отворилась, а я лишь подумала, что неплохо смазать петли. В конце концов здесь скоро поселится кто-то из подрастающих. Все же отдельная спальня, какой бы ужасной она ни была. Крейн вошел, взлохмаченный, с беспокойством оглядываясь по сторонам. Когда Эрик посмотрел на меня, он вздохнул с облегчением, а я отвернулась. Не хочу его видеть. Не сейчас, когда наконец вынырнула из этого безумия.

Осирис сделал шаг, а я вытянула вперед руку, не позволяя ему приблизиться. Крейн остановился, удивленно приподняв бровь. Невозмутимый обычно, а сейчас его явно что-то беспокоило. Мой когда-то друг сложил руки на груди и, оглянувшись, все же присел на кровать напротив меня. Поставив локти на колени, он смотрел на меня гипнотизируя и притягивая взгляд. Нельзя дать повториться безумию. Смотреть на него.

– Вел, – голос Осириса хрипел, поэтому тот прокашлялся, – посмотри на меня.

Я отрицательно покачала головой, уставившись на валяющийся рюкзак. Сейчас нам это не нужно. Вообще Эрика не должно здесь быть.

– Валери, – Эрик отвел взгляд, а я облегченно вздохнула, – что ты будешь делать там? – и Крейн кивнул в заляпанное паутиной окно.

Невольно мой взгляд переместился на места треснувшее стекло. Ободранная оконная рама с облупившейся краской изрядно пропускала в комнату ледяной ветер. Стекло, покрытое пылью, было матовым, даже не передавая блеск сугробов за ним. Окно, в которое я смотрела

большую часть своей жизни. Но я ведь помнила и другую. В каникулы, у Лавров, большой теплой компанией, с уютными свитерами, с чисто вымытой под горячей водой головой, с чашкой теплого какао в руках. Когда вокруг смеются, шутят и относятся к тебе как к человеку. Этого больше не будет. Я сама совершила ошибку, из-за которой двери их дома закрылись для меня навсегда.

– Найду работу, – пожав плечами, снова перевела взгляд на рюкзак, – какая разница, Крейн. Война окончена, надо выживать, – сглотнув слюну, поднялась с пола и подхватила сумку с противным замком в руки, – если у тебя все, уходи, Эрик, пожалуйста.

– Ребенок, это жизнь. Здесь не нужно выживать, – Эрик внезапно улыбнулся, а я снова смотрела на него, – тут надо жить.

Пожав плечами, я начала собирать вещи в рюкзак, пытаюсь застегнуть надоедливую молнию. С послушным скрипом застежка поддалась. Но новый рвотный рефлекс согнул меня, заставляя прикрыть рот ладонью. Глубоко вдыхая через нос, удалось отогнать противное ощущение. Что же ты вытворяешь? Если бы я не знала, как обрадует твою бабушку явление ребенка с зелеными глазами на свет, или сама поняла чуть раньше – тебя бы давно не было. Прекращай бунт. Будем союзниками, все у обоих сложится хорошо. Выпрямившись, я указала Осирису на дверь.

– Эрик, я ухожу. Скоро поднимутся Сестры, чтобы подготовить комнату новому Рабосу. Иди, – я снова кивнула на дверь, – пожалуйста.

Крейн поднялся с кровати, поправляя одежду. Осирис медлил, словно что-то задумал. Но это не имело никакого значения. Лишь бы он скорее ушел и дал дышать спокойно. В его присутствии мысли всегда поворачивались не туда, куда стоило. А сейчас это последнее, что должно меня беспокоить. Осирис подошел, не приближаясь – на расстояние вытянутой руки. Все равно близко. Слишком. От его присутствия можно было задохнуться, но я не двигалась, не разрешая себе смотреть на него. Не сейчас.

– Вел, – Крейн вытянул руку и поднял мое лицо вверх, чему я была не в силах противиться, как и всегда, – ты можешь начать свою жизнь там, – кивнув на окно, Эрик снова повернулся ко мне, – не так.

Попытавшись отвернуться, я лишь столкнулась с жестким сопротивлением пальцев, державших меня. Чертыхнувшись про себя, припомнив Безмолвную и ее Врата, я посмотрела вверх, не позволяя утонуть в сером тумане. Он не имел никакого значения для настоящей меня.

Стоны, разрушающие тишину комнаты.

Его теплая кожа под моими руками.

Блаженство, которое не должно заканчиваться.

Тряхнув головой, отгоняя от себя ненужные воспоминания, я внимательнее посмотрела на Крейна. Да, он мне дорог. Гораздо больше, чем любой из людей. Лишь потому, что Осирис – мой друг и всегда им был. Не больше. Все остальное – просто ошибка.

– Выходи за меня, – три слова, которые не сразу дошли до моего сознания, разорвали воздух.

Сначала я не поняла, недоуменно вглядываясь в серые глаза. Крейн шутит. Определенно так. Но его глаза говорили о другом. Эрик не сводил с меня взгляд, пытаюсь по лицу понять, какие эмоции я испытываю. Не выдержав, я засмеялась.

– Нет, – слова все еще прерывались моим смехом, – Эрик, я беременна.

Внезапно Крейн улыбнулся, поглаживая по щеке. Прикосновение обожгло, но отвернуться было выше сил. Он всегда действовал на меня так. Не давал пошевелиться. Но не сегодня.

– Наконец-то ты это поняла, – Крейн постарался приблизиться, но я вытянула руку, не позволяя сделать этого, – я знаю.

– Это не твой ребенок, – я пристально смотрела в серые глаза.

– Мой, – Эрик кивнул на живот, – я знаю о нем практически с первых недель. Вел.

Тряхнув головой, я попыталась избавиться от пальцев Крейна на подбородке, но крепкая ладонь держала, не позволяя вырваться. Закрыв глаза, я сделала глубокий вздох.

– Ты ошибаешься, – начала я, но Крейн прервал.

– Нет, Вел. Это наш сын. Не понимаю, что происходит с тобой сейчас, но я люблю тебя, – Крейн вздохнул, перехватывая мое лицо второй рукой, – уверен, что это просто шок. Произошло нечто ужасное и ты просто не понимаешь, как быть дальше, – Эрик сделал шаг вперед, оказавшись прямо около меня, воздух кончился в один миг, – я рядом. Вел, – большие пальцы погладили щеки, мешая мыслить, – ты моя Исида. Я пытался раньше предложить тебе, но уж больно мы были заняты, – почувствовала, как румянец огладил щеки, – выходи за меня.

Сделав шаг назад, я тут же уперлась в стену за спиной. Проснувшееся сознание билось в панике, но Крейн тут же двинулся вперед, от чего все мои мысли вылетели из головы. Мой Осирис. Зажав глаза ладонью, я немного пришла в себя.

– Рэндал и Натали не обрадуются, – прошептала я, справляясь с эмоциями.

– Не имеет значения, – ответ Крейна не заставил себя ждать.

– Это не твой ребенок, – сказала я, с трудом размыкая губы.

– Мой. Мы идем по кругу, Вел, – Крейн вздохнул, – давай так. На мое предложение не влияет его присутствие или отсутствие. Так же как то, кто его отец. Сейчас там тебя ждет Мир, ненавидящий Рабосов. Я не знаю, что ты испытываешь сейчас, но кажется, что рядом по крайней мере со своим другом у тебя больше шансов выжить, чем одной. Тем более учитывая твое положение, – Крейн кивнул на живот.

Эрик ждал. Я смотрела на свой рюкзак, сжатый в руках. Он же ошибается, правда? Это не мог быть его ребенок. Никак. Да, у нас был секс.

Неоднократно.

Да не так уж и часто.

Почти каждый день, Вел.

Но это не имеет значения. Из такого безумия не рождаются дети. Мы любили друг друга с Максом. И это его ребенок.

Тогда почему еще не растет живот, Вел?

Не хотелось признавать, но в словах Крейна была определенная истина. Я смогу родить спокойно, не опасаясь, что завтра будет нечего есть. Если Крейн признает ребенка – буду свободна и продолжу жить дальше. Все же их фамилия имела большое значение. Просто сделка. Выгодная, сохраняющая и жизнь, и свободу. Вряд ли после смерти Макса я буду смотреть хоть на кого-то.

– У меня условие. Ты признаешь его, даже если он не твой.

Крейн усмехнулся и послушно кивнул головой.

– И отпустишь меня, как только я этого захочу.

Вопросительно задранная бровь заставила пояснить.

– Я согласна, если в любой момент смогу выйти из игры, Крейн.

Облегченно улыбнувшись, Эрик выдохнул, привлекая меня к себе. А я старалась не думать о холодном гладком дереве под пальцами.

Глава 3

Скрип пружин разрушил затянувшееся молчание. Поднявшись с кровати, Крейн подошел к окну, распахнул его. Свежий воздух охотно проник в комнату. Эрик глубоко вдохнул, прикрыв глаза от удовольствия. Дышать уксусом явно было тяжело не только мне. Расслабленно положив руки в карманы, Осирис о чем-то задумался, подставив лицо яркому солнцу.

– Хотелось бы, чтобы это оказалось твоей паранойей, – Смотрящий заговорил, не открывая глаз, – но я согласен с тобой. Оливер умен. У него точно был как минимум запасной план.

Последний раз отжав тряпку, аккуратно разложила ее по краю ведра. Вымокшая одежда быстро высыхала, но переодеться явно стоило. Да и не мешало бы приобрести себе еще хотя бы пару комплектов маек и штанов. Ходить абсолютно не в чем, даже сейчас скорее надо стирать все. Иначе заляпаю еще один нехитрый наряд и завтра придется вышагивать в Башню в том, в чем в Дом принесли.

– Елена отложила пару вещей из морга, которые вызвали подозрение, – Крейн повернулся, опершись ладонями на подоконник, – тебе нужно их изучить. А вот это, – Эрик кивнул на листы бумаги, – ты зря сделала. Так гораздо проще потерять что-то важное.

Поднявшись с колен с удовольствием потянулась. Тело затекло от долгого ползания. Размяв шею, нечаянно дотронулась рукой до шрама. От уксуса неприятно щипало. Надо уже что-то придумать с этими рубцами, регенерация, что угодно. Отвлекает в самый неподходящий момент.

– Как думаешь, – неуверенно начала я, – почему он ничего не предпринимает?

– А ты считаешь, что он ничего не предпринимает? – вопрос Эрика будто пристыдил меня. – Вел, если мы не видим действий, это не значит, что их нет, – Крейн лишь усмехнулся, наклонив голову набок.

Раньше от такого движения его волосы касались плеча. Он изменился. Мы оба больше не будем прежними. Солнце играло в коротких волосах Эрика. Серебристый блеск на его висках даже шел ему.

Сердце пропустило удар, столкнувшись с ребрами.

Не контролируя движений, я молниеносно подбежала к детективу, поднимаясь на цыпочки. Схватив Крейна за голову, наклонила к себе, ближе рассматривая то, чего никак не могло быть. Белые, серебристые волосы. Но около правого виска они стали серыми. Седыми. Лишившимися пигмента.

Голова, лежащая у меня на коленях в ванной Бака.

Этого не было тогда.

Часто моргая, я пыталась стереть то, что видела. Вскрести. Этого не могло быть. Осирисы живут больше ста лет. Ему даже нет тридцати. Обеспокоенно повернув лицо детектива к себе, я пальцами внимательно изучала каждый сантиметр его кожи. Осирис поддавался спокойно, не задавая вопросов. Просто не сводил с меня взгляд. Тонкая сеть морщинок у глаз. Даже когда Крейн не щурился, гусиные лапки залегли там. Борозда на лбу не разглаживалась пальцами. Желудок прилип к горлу, отвратительно спазмируя. Ледяной комок встал где-то посередине, вызывая дрожь в пальцах. Он же не мог этого не заметить? Как пропустила я?

Наверное, потому, что очень долгое время не жила среди них. Эти вечно молодые лица. Поэтому и не заметила сразу. Даже не удивилась, что Натали выглядит моложе сына. Во рту пересохло.

Закрыв глаза, я потянулась за потоками. Тонкие нити прикоснулись к груди Крейна. Там, где в его оболочке зияла брешь. Жизненные щупальца обтекали контуры тела Крейна. Эрик поморщился, но не сопротивлялся. Как нащупать резерв воскрешенного? Понятия не имела, но радовало хотя бы то, что и потоки, и энергия были живыми. Ничего мертвого. Присутствие

Безмолвной угадывалось лишь возле бреши в его груди. Страшный шрам на гладкой коже. Именно оттуда шла тонкая паутинка, отравляющая жизнь. Начало конца. Пальцы тряслись, не слушаясь.

Так мало?

Я смогла лишь слегка отсрочить конец, Безмолвная?

Осирис уже в твоих руках.

– Тебе остался год, – я покачала головой, пытаюсь сглотнуть несуществующую слюну, – может, два. Как давно ты это понял?

– Во-первых, давай не паниковать, – Эрик улыбнулся, отчего морщинки стали еще глубже, а мое сердце перевернулось внутри, – во-вторых, мы не знаем ничего точно. Про воскрешение нельзя прочесть в утренней газете в разделе сводок новостей. Может, оно так само должно быть? Ведь долгую жизнь Осирису даровал Всевышний. А я свой последний вздох, как известно, уже отдал, – Крейн хмыкнул, кладя руку мне на щеку.

Задумавшись, я не могла отвести взгляд от Эрика. Надо скорее со всем разобраться. Понять, что задумал Оливер. опередить. И узнать, что происходит с Крейном.

– Ты убил Оливера? – спросила я, вглядываясь в ртутные радужки.

Эрик отрицательно покачал головой, отчего тревожная седина блеснула на солнце. Я вздрогнула, но тут же взяла себя в руки. Мы справимся с этим, да и рано еще паниковать. Просто нам мало что известно. Сейчас – дело.

– Нет, Вел. Я думаю, что он был мертв еще за пару дней до того, как мы начали брать верх, – Эрик сложил руки на груди и отошел от окна, – вернее, думаю, что именно из-за этого мы и победили. Некому было восстанавливать армию уродов.

В этом что-то было.

Тело, словно воск стекающее с алтаря.

Все, что я высосала из него, теперь отравляло меня.

– У него Книга Безмолвной, – потряхнув головой, отвернулась, – но я знаю ее наизусть. Пока не понимаю, что, кроме слов воскрешения, в ней могло понадобиться Чудовищу.

– Хватит гадать. Собирайся, эксперт по вопросам некромантии Крейн, – Эрик хмыкнул, – пора в Башню.

С того момента, как мы миновали стеклянные двери, происходило нечто странное. Все, здоровающиеся с Крейном, тут же срочно куда-то испарялись. В воздухе висел страх. Не ко мне. Они почему-то боялись Эрика. Словно знали что-то, что могло его разозлить. Людей было немного, и все тянулись куда-то на нижние этажи.

Не успев хорошенько поразмыслить на эту тему, я отвлеклась. Было на что. Цокая каблуками, к нам приближалась Елена. Правильнее будет сказать подлетала. Осирис, облаченная в неприлично обтягивающие все ее прелести высокие джинсы, выпрямив спину, с угрожающе подпрыгивающим бюстом, преодолевала пространство так, будто на ее ногах сейчас были не десятисантиметровые шпильки, а заношенные, покрывшиеся от времени въевшейся грязью удобные кеды типа моих. Белые волосы девушки бесконечным шелковым полотном рассыпались по плечам, гипнотизируя и не позволяя оторваться. Поежившись, я сильнее затянула еле державшийся на затылке хвостик. Еще мокрые после наспех принятого душа, прилизанные и одновременно торчащие во все стороны волосы добавляли мне убогости на ее фоне. Из-за открывшейся картины я даже не сразу почувствовала ее тревогу.

Осирис схватила Эрика за руку, кивнув мне. Улыбнувшись, я хотела отвернуться, но тонкие пальчики обвились и вокруг моей руки. От удивления брови поползли на лоб. Марил держала крепко нас обоих, призывая внимание.

– Что бы сейчас ни произошло там, внизу, держите себя в руках, – Эрик хмыкнул, а Елена дернула его за руку, – оба, Крейны. Сцепите зубы, не знаю, – Осирис дернула руками, но тут же схватила нас обратно, – заблокируйте друг друга, как вы это делаете. Но ни единого движения.

Волнение Осирис усиливалось. Глаза девушки лихорадочно блеснули, а на губах застыли следы укусов. Пальцы на моей кисти подрагивали, убеждая меня в том, что грядет нечто действительно ужасное.

Елена повернулась ко мне, нервно облизав губы.

– Правящие и некроманты здесь, – слотнув слюну, Елена прокашлялась. – Прик и ваш главный. Велели созвать всех и сказали, что без вас не будут начинать.

Дыхание перехватило. Кажется, дрожь Марил передалась мне. Марсель и Старейший? Что происходит? Одними губами Елена прошептала «пожалуйста». Да, что бы ни случилось, это явно не веяло ничем хорошим. Окинув нас взглядом еще раз, Елена сделала шаг назад и пошла вниз.

– Эрик, он Правящий. За нападение на него – смерть. Помни об этом, прошу тебя.

Крейн сделал шаг вперед, но остановился. Напряженные плечи расслабились. Эрик приходил в норму, пытался справиться.

– Главное – ты не забудь, Вел.

До зала мы добрались быстро, протиснувшись сквозь толпу.

Марсель, словно сошедший с обложки журнала, сидел недалеко за трибуной, положив ногу на ногу. С лживой заинтересованностью он слушал, что ему говорил Старейший. Мант был облачен, словно перед ритуалом. Все письмена Безмолвной на его торсе выше пояса послушно предстали публике, ничем не прикрытые. Несмотря на свой возраст, Старейший был хорошо физически подготовлен, поэтому зрелище завораживало и пугало одновременно. Ни единого чистого места. От количества знаков его кожа казалась абсолютно черной. Лицо, веки, пальцы на руках. Даже уши. Надо признать, что некроманту тоже было скучно в обществе Марселя. Эти двое просто играли спектакль. Не для нас. Мы здесь за чем-то другим.

Низкая милая девушка Рабос упала на колени перед Осирисом, склонив голову. Даже не поворачиваясь к ней, Прик качнул пальцем, позволяя той подняться. Внутри противно заскрежетало. Желание вцепиться в горло высокомерной морде сжигало изнутри. Не отводя взгляд от пола, девчонка что-то прошептала на ухо Осирису. Марсель тут же бегло осмотрел ряды. Затеряться мы точно не могли. Эрик слишком выдающегося роста. Ну и, во-вторых, все держали от нас приличную дистанцию, зная, какое дело мы расследовали. Предполагая, зачем сюда явились эти двое.

Кивнув, Марсель поднялся, поправляя брюки. Его шаг к трибуне был уверенным, но неспешным. Старейший повторил за ним движение, но остался слегка позади Осириса.

– Смотрящие глазами Всевышнего, приветствую вас в вашей обители! – подняв руки, Марсель призвал к аплодисментам. Тихие неуверенные хлопки разнеслись по залу.

– Сегодня великий день. День, когда некроманты стали полноценными членами нашего общества! – тревога и непонимание понеслись по залу, а я сделала глоток, нечаянно пересекаясь с потоком Старейшего. – Так почему же так, спросите вы? Столько лет эти люди были непризнаны, считались опасными и неугодными Всевышнему. Но совсем недавно, как вы знаете, произошло горе, которое затронуло девять благородных семей, – театральная пауза, в которой Марсель наигранно прочищал горло, промакивая сухие глаза платком, затянувшись, – несчастье, с которым Эпис был не в силах справиться самостоятельно.

В такое время нам с вами, каждому человеку, нужны те, кто могут помочь, подсказать то, до чего мы сами по причине своей веры не в силах дотянуться. Моя дочь, – прикрыв веки, Марсель пытался справиться с голосом, но в этом зале только двое знали наверняка, что никаких эмоций он сейчас не испытывал, – моя девочка, Лилиан, пала жертвой безумца. И я благодарю Всевышнего, каждый день благодарю и молю о здоровье для человека, открывшего нам этот новый Мир. Ведь герои живут среди нас.

Человек происхождения не менее благородного, чем я сам, Осирис, который смог переступить через гордость и предрассудки и подать прошение о привлечении некромантов к рас-

следованию. Тогда я считал его безумцем. Даже выступал против, – прокашлявшись, Марсель потер горло, будто ему было больно говорить, – но не иначе как чудом Всевышнего большинство голосов правящих выступило за предложение этого человека. Я говорю тебе спасибо, Эрик Крейн. От своего лица, от лица каждой семьи, от лица всех некромантов, которые ступят на землю Эписа. Герой Эписа, герой Бесконечной войны. Твой отец гордился бы тобой. Достоянейший Крейн. Bravo! – Марсель захлопал, а я недоуменно посмотрела на Эрика.

Пока шум оглушающих аплодисментов раздражал слух, я пыталась понять, что происходит. Марсель не испытывал благодарности. Наоборот, произнося каждое слово, он торжествовал, предвкушая что-то. Эрик вопросительно смотрел на меня, а я покачала головой, давая понять, что еще не разобралась.

– Как ни странно, дорогие друзья, герои бывают не только благородного происхождения, – смешок, прокатившийся по залу даже не зацепил меня. – Мой добрый товарищ, теперь уже партнер, глава общины некромантов, мант Назар, очень быстро ответил на прошение, предоставив двух лучших своих людей. Мы не приняли их как полагается – и это наша вина, друзья. Но им и не нужно было наше признание. Эти люди с несгибаемой волей шли к своей цели. Они пришли помочь – и помогли. Тем, кто презирает их, кто ненавидит и боится, – Марсель аккуратно положил Книгу на трибуну, картинно сложив руки у груди. Ресницы на приопущенных веках дрожали. – Каждый день, когда в Эпис приходит ночь, около могилы своей девочки я взываю к Безмолвной. Прошу сил и долгих лет для бедной девочки, которая чудом выжила на Войне, чтобы предотвратить сейчас ужас, надвинувшийся на Эпис. Я молю о щедрых дарах и сытых днях, об открытых Вратах и о признании в обществе для тебя, манти Валери Крейн. Дом гордится тобой, девочка, – ухмылка в голосе была практически ощутима на пальцах, – bravo, достоянейший из Рабосов! С сегодняшнего дня Валери входит в ряды Смотрящих. Ведь цель – не допускать таких катастроф больше.

Пропитанные презрением, но вежливые аплодисменты достались и мне. Поймав взгляд Марселя, я уловила довольную ухмылку. Сейчас начнется. Невольно схватив Эрика за рукав, я постаралась дышать спокойнее.

– На самом деле это история про сотрудничество, друзья. Про то, что единое равноправное общество способно творить чудеса. Побеждать в войнах, находить лекарства от болезней. Всего этого мы можем добиться лишь сотрудничая. Только что я рассказал о двух людях, ставших героями, совершенно разных, но похожих в одном, – Марсель смотрел прямо мне в глаза, не отрываясь, – у них обоих было достойное воспитание. Эрик сын моего давнишнего друга, чистейший Осирис, естественно, получал самые правильные наставления с самого детства. Такие неминуемо становятся героями. Но Валери, – вздохнув, Марсель развел руками, – ребенок с гнилой кровью, воспитанный в Доме. Да, нам всегда казалось, что меры, применяемые там, немного жестоки для детей. Но ведь сейчас мы видим действие этого воспитания. Сам Эрик, да и моя дочь, тоже продолжительное время провели в стенах данного учреждения. Выросли достойными людьми. Поэтому, посоветовавшись с некромантами, мы приняли решение, – вздохнув, Марсель глотнул воды, – во-первых, каждый ребенок со смешанной кровью, несмотря на то, признан он родителями или нет, по достижению полугодовалого возраста отдается в Дом, – энергия Крейна дернулась, но я успела выставить щит.

Старейший усмехнулся, заметив движение, но промолчал.

– Все образовательные учреждения благородных для блага таких детей закрыты для них. Во-вторых. Помните! Если мы хотим добиться равноправного общества – мы должны дать соответствующее воспитание каждому! Поэтому в образование таких детей теперь включены уроки некромантии. По достижению восьмилетнего возраста каждый Рабос проходит процедуру снятия энергии и отказа от даров Всевышнего. Ну и в-третьих, – Марсель уже даже не пытался скрывать злорадство, – в течение недели Смотрящие обязаны изъять всех таких детей

из семей и передать на воспитание Сестрам. Вместе мы построим великий Эпис! Где найдется место каждому его обитателю. На этом у меня все, друзья.

Рука Эрика была напряжена так, что казалось, что тонкая ткань рубашки сейчас треснет под этим напором. Хватая ртом воздух, я вдохнула поток. Ненависть, исходящая от Крейна, стала моим сегодняшним ужином. Жадно глотая все, до чего могу дотянуться, пыталась успокоить Эрика. Осирис быстро выдернул руку, не давая мне впасть в беспамятство. Я не успела его одернуть, как он уже двинулся по направлению к Марселю. Крейн ничего ему не сделает. У Эрика хватит ума.

Старейший удалялся к выходу. Шанс. Развернувшись на пятках, я побежала, перекрывая ему дорогу. Слегка запыхавшись, пыталась отдышаться, глядя в покрытое письменными лицо.

– Старейший, – вымолвила я, успев заметить краем глаза приближающуюся Елену.

От пощечины мое лицо дернулось. Не успела я проморгаться, как второй удар наставника повернул мою голову в другую сторону.

– Минуточку, – голос Елены раздался рядом, но я вытянула руку, останавливая ее.

Только не вмешивайся.

– На колени, некромант, – его потоки скользнули по моему телу, сжимая и подчиняя его.

Принося боль. Он специально делал резко, чтобы показать силу. Мышцы ломало, ведь движения были неестественны. В Море, где потоками жизни управляет не так много людей, я периодически забывала, что значит подчиняться. Опустившись на колени, почувствовала, как купол жизни Старейшего накрыл меня, обрезая доступ моим нитям. Поток сжал горло, позволяя дышать, но не давая поднять голову.

– Старейший, пожалуйста, – я сглотнула слюну, – они же дети. Не все перенесут переход. А те, кто перенесет, – прокашлялась, потирая шею, – это же армия бездушных солдат.

От напряжения капли пота выступили на лице. Инстинкт самосохранения кричал противиться, но ему нельзя было. Одно движение – и меня снова нет. Старейший не испытывал чувств. Истинный некромант. Расчетливый, властный и с камнем вместо сердца.

– Дочь, – татуированное лицо наклонилось к самому моему уху, – какой из законов ты не успела нарушить?

Поток на шее сжался сильнее, заставляя меня закашляться.

– Я чувствую прикосновение мертвого в твоих нитях. Клочки воссозданной энергии, плавающие твою жизнь, – Старейший поднял мое лицо, отчего я чуть не задохнулась, – еще и ребенок, Дочь. Ты осознаешь, в кого превращаешься, Валери?

– Безмолвная возвращала меня дважды, – прошипела я, контролируя, о чем говорю.

Блеск в глазах Старейшего мне не понравился. Злая улыбка рассекла лицо, ломая полотно татуировок блеском зубов. Некромант прищурился, приближая лицо к моему.

– А не приходило ли тебе в голову, Дочь, что она просто не принимает тебя? – капли слюны касались моего лица, отчего я поморщилась. – Манти Валери Крейн, почему ты никогда не задумывалась о том, чья ты дочь?

Недоуменно подняв брови, я прислушалась к Старейшему. Что-то промелькнуло в его словах, но что? Мысль ускользала.

– Оливер жил веками, Валери. Не потому, что так этого хотел. А потому, что был обречен на вечные муки, – потоки отпустили меня резко, откидывая в сторону.

Марил подбежала ко мне, опускаясь на колени. Девушка что-то щебетала, но я слышала лишь свои мысли.

Что будет с некромантом, если потянуть на себя энергию, смешав ту с жизнью?

Что будет с некромантом, если питаться мертвыми потоками?

Что будет с тем, кто, приняв Дары Безмолвной, обернет их против нее?

Но как еще можно было остановить Рэндала? Она же сама вернула меня. Дала выбор.

Холодная рука сжала внутренности, не позволяя сделать вдох.

И что же ты выбрала, Валери?

Разве ты просила вернуть тебя к жизни?

Нет.

Хотелось кричать. Орать во все горло, раздирая его. Лишь бы выпустить весь этот ужас. Навсегда избавиться от него, выскрести, выжечь. До боли хотелось орать, пока голосовые связки не лопнут.

В этом твой план, отец?

Превратить меня в Чудовище?

Я твой жуткий эксперимент? Вот это я для тебя? Новая попытка уничтожить все живое?

Вцепившись руками в волосы, я потянула изо всех сил, с удовольствием почувствовав треск и боль. Реальность уходила от меня, отодвигаясь все дальше. Вот отсюда родом мое безумие, Оливер? Раскачиваясь вперед-назад, я пыталась прийти в чувство, но не получалось. Моя жизнь. Каждый шаг. Все это ради того, чтобы сойти с ума и превратиться в тебя?

Кто-то кричал рядом со мной. Будто за толстым слоем воды, доносились голоса.

Я в Исиде? Странно, почему снова в ней? Что произошло? Меня ударило что-то и я тону? Тогда почему мне... сухо? Даже смешно как-то, в воде, а не чувствую ее. Смех вырвался сам. Нет, ну обхохочешься. Вытянув руки перед собой, пригляделась. Они расплывались в толще бурлящего потока. Но я точно в Исиде. Не хочется выбираться, так спокойно. Давно не было так хорошо. Уснуть и остаться тут навечно. Что-то внутри беспокойно ворочалось, но я лишь снова рассмеялась. Как же я скучала по тебе, Исида.

Поток ледяной воды выдернул меня, заставив подскочить на месте.

– Да не сожри твою душу Безмолвная, Бак! – отплевываясь, я смотрела, как вода стекает с меня на пол в кабинете Крейна. – Ничего умнее придумать не мог?

Осирис невозмутимо поставил ведро на пол, облегченно падая в кресло и снимая очки. Крейн сидел на полу, внимательно наблюдая за мной. Стоп. Мы в кабинете? Ужас противными щупальцами коснулся сознания, но я тряхнула головой.

– Сколько прошло времени? – спросила я, стуча зубами.

Бакстер кинул взгляд на часы. Но ответ раздался с пола.

– Шесть часов, Валери, – полный боли голос переворачивал внутренности, – шесть. Часов.

Сглотнув слюну, я осмелилась посмотреть на Крейна.

– Что я делала? – губы не слушались. – Я... причинила кому-то вред?

То, что мог натворить впавший в безумие некромант, ужасными картинками мелькало перед глазами. Нет, я не могла. Все хорошо. Просто устала.

– Нет. Сегодня все спокойно, – Крейн поднял на меня взгляд, отчего сердце сжалось, грозясь разорваться от переполняющих его чувств, – когда это началось снова, Вел?

– Эрик, ничего не начиналось. Я просто перенервничала, – сделав шаг, повернулась к Баку, – хоть ты скажи ему, что со мной все в порядке.

Осирис молчал. Внимательно разглядывая пальцы, он подбирал слова, пытаясь как можно осторожнее озвучить то, что было нужно. Бакстер снова увидел это. Наконец его губы раскрылись.

– Вел. Не в порядке, – протирая очки краем рубашки, Бакстер нервничал, – прошлый раз приступ спровоцировала новость о том, что Эрик убийца. Ты отождествляла его с отцом и поэтому психика не выдержала, – сглотнув слюну, Бак нацепил очки на нос, – теперь произошло что-то, спровоцировавшее снова.

– Что сказал тебе Старейший, Вел, – Крейн смотрел, не отрываясь, – пока ты здесь, – я отвернулась, – пока твое сознание здесь. Расскажи мне.

Когда-то, Дом Крейна

Эрик

Долгожданный звонок в дверь заставил подскочить с места. Слишком резкое движение принесло боль, от чего я поморщился. Застегнув рубашку, повернулся к запертой на ключ спальне. Тишина, стоявшая за белой стеной, настораживала, но решиться снова зайти туда сейчас не мог. Не один. Боль от одного лишь вида была невыносимой. Моя Исида.

Пригладил волосы, кинув взгляд в зеркало. За эти несколько дней под глазами появились мешки, а лицо осунулось. Ее состояние слишком сильно сказывалось на мне. Насмешка Всевышнего, не иначе. Даровать то, чем не обладал никто из живущих, чтобы забирать так жестоко. Рука легла на ручку, распахивая дверь.

Бак вошел, внимательно глядя мне в глаза. Единственный, кто сейчас действительно мог помочь. Осирис явно не выспался. От яркого света Бак щурился, часто моргая. Несложно догадаться, чем мог заниматься молодой свободный Осирис ночью выходного дня.

– Так все же расскажешь, что произошло? – Бак огляделся. – И где Валери?

Протянув другу Книгу, я поймал его недоуменный взгляд.

– Прежде, чем я скажу хоть слово, ты дашь Клятву, Бак, – Осирис нахмурился, но я перебил его, – то, что ты увидишь, не должна знать ни одна живая душа. Я не могу рисковать так, прости.

Осирис неуверенно протянул руку. Тонкие пальцы коснулись черной кожи, сжимая ее крепче. Маленькая капля крови впиталась в обложку. Облегченно вздохнув, я улыбнулся.

– Клянусь, что все увиденное и услышанное мной сегодня здесь и сейчас никогда не буду обсуждать ни с кем, кроме присутствующих сейчас в этом доме. Под взглядом Всевышнего. Да не сожрет мою душу Безмолвная. На все Воля Его.

Клятва принята. Книга Крейнов тут же поглотила маленькую жертву, возвращая обложке первозданный вид. Удовлетворенно кивнув, я указал другу на дверь закрытой спальни.

– Ты должен увидеть сам, – зашипев от неосторожного движения, я открыл комнату.

Бак перехватил удобнее свою Книгу и сделал шаг внутрь спальни. Друг был чрезвычайно спокоен. Даже странно, учитывая, что предстало перед его глазами сейчас.

Около самой двери, прямо на пороге, валялся разломанный на несколько частей деревянный карниз. Если присмотреться, то можно было увидеть, что позолота с него слезла не просто так. Бак присел, беря один кусок в руки и поднося к глазам. Следы острых зубов покрывали обломанные края. Занавески, когда-то защищающие комнату от солнечного света, разодранные разноразмерными кусками, свисали со всех поверхностей и выступов, за которые могли зацепиться. Осколки стекла усыпали весь пол комнаты. Этого не было. Бак поднял руку, останавливая мое движение. Друг отрицательно покачал головой, не позволяя приблизиться к центру комнаты. Из разбитого окна дул ледяной ветер. Снег залетал внутрь и, кружась, падал на смуглое обескровленное лицо Валери.

Девушка лежала на полу, перебирая пальцами валяющиеся вокруг нее осколки. Немигающий взгляд был прикован к снежинкам, наполняющим комнату. Укрывшись куском занавески, Валери что-то тихонько бормотала себе под нос, то подбирая, то отпуская блестящие стекляшки. Бак осторожно, носком ботинок отодвигая стекла, приблизился к ней, присаживаясь рядом.

– Привет, Валери, – его голос был спокойным, но каждая буква звучала четко и одновременно мягко, – ты слышишь меня?

Рабос дернулась, отчего я подался вперед, но Бак, вскинув Книгу в мою сторону, выставил щит. Тихо повернувшись, друг снова отрицательно покачал головой.

– Не подходи, Эрик, – Бак перехватил Книгу удобнее, подвигаясь к Валери ближе.

Раскидав все осколки, Осирис придвинулся ближе к девушке, откладывая Книгу в сторону. Вел слишком сильно сжала стекло, отчего на пол тут же закапали красные капли. Удивленно подняв руку к лицу, моя Исида смотрела на окровавленную ладонь.

– Что это, Вел? – Бак тихонько коснулся кончиком пальца ее руки.

Синие глаза наконец поймали фокус. Валери смотрела на лицо Бака, хмурясь. Сведенные на переносице брови сложили на юном лице бороздку морщин. Она трясла головой, будто пыталась прийти в себя. Секунда. И вот она снова улыбается безумной улыбкой, разрезающей ее лицо оскалом.

– Кто это? – голос будто не поддавался ей.

Бак поднял руку и ткнул себя в грудь.

– Я – Бак, ты, – переведя руку на нее, Осирис улыбнулся, – Валери.

Окровавленный палец дернулся, повторяя движение за Баком.

– Ты, – она коснулась лица Бака, оставляя красное пятно на щеке Осириса, – Бак, я, – окровавленная ладонь опустилась на смуглую кожу лба, размазывая отвратительную краску по волосам, – Валери.

Осирис кивнул, медленно повторяя еще раз.

– Я – Бак, ты – Валери, – девушка моргнула, – все правильно, Вел. Расскажи мне, что ты помнишь?

Жена часто заморгала, но блеск сознания так и не появился в ее глазах. Я осторожно опустился на пол около двери, не в силах оторвать взгляд. Она лежит на ледяном полу, возможно, всю ночь. Дрожь, окутавшая тело, мешала сосредоточиться. Боль от одного лишь взгляда. Сила бушевала, желая вырваться наружу. Пытаясь спасти. Но как можно было спасти ее от нее самой?

– Что это? – Валери поднесла к лицу Бака раскрытую красную ладонь.

– Это кровь, Валери, – девушка моргнула, не понимая, – смотри.

Бак тихо провел по синим венам, привлекая внимание девушки.

– Вот тут источник нашей жизни, – Валери остановила его, подняв руку и отворачиваясь.

– Я помню кровь. Много крови. Река крови. Они все умерли, потому что источник жизни кончился. Да? – синие глаза смотрели на друга.

Бак кивнул, не успевая ответить.

– Подожди. Я помню. Чудовище, – внезапно синие глаза наполнились слезами, – я думала, оно умерло. А оно здесь. Прямо сейчас здесь, – Валери тряхнула головой, но тут же улыбнулась, сжимая лицо Бака, – из него тоже текла кровь. Много. Это я сделала, – довольная злая улыбка исказила лицо.

Лихорадочный безумный блеск. Пятый день я видел его. Рэндал открыл рот и навсегда изуродовал мою жизнь. За что же ты так не любишь меня, отец? Не так она должна была узнать.

– Валери, – Бак указал ладонью на живот, – а это кто?

Она улыбнулась.

– Ребенок, – ладонь девушки коснулась уже сильно выпирающего живота.

– Правильно, Валери. Это твой и Эрика ребенок, – Бак продолжал медленно выговаривать слова.

Валери положила руки на пол. На секунду нахмурившись, она тут же повернула голову к Баку.

– Жалко, правда? – грустная улыбка лишь на секунду мелькнула на лице, а я рванул вперед, пропуская удар сердца.

Зажатые в окровавленных пальцах ножницы Вел молниеносным движением направила к животу. Не знаю, как я успел. Перехватив кулак сильнее, не обращая внимания на бьющуюся в руках Валери, разжимал каждый палец, мертвой хваткой вцепившийся в холодный металл. Удары и укусы сыпались на меня. Лишь бы это был последний острый предмет. Бак протянул кусок занавески. Сжав руки девушки, я как можно крепче перевязал их.

Синие глаза смотрели с ненавистью и отвращением. Ножницы хрустнули в моей руке, осыпаясь на пол. Валери засмеялась. Внутри все застыло и покрылось льдом ужаса от этого хохота. Моя Вел. Что происходит?

Бак схватил плечо девушки и быстрым движением всадил шприц. Белая жидкость послушно вошла под кожу, девушка даже не успела удивиться. Просто ее тело быстро ослабло в моих руках. Прижав крепче, лишь тихонько коснулся губами волос. Подхватив Валери на руки, почувствовал, как кровь снова сочится из открывшейся на боку раны. Положил девушку на кровать и тут же опустился на пол.

Рубашка быстро окрашивалась в красный. Бак кивнул на расползающееся пятно.

– Чем? – друг обеспокоенно смотрел, не отрывая взгляд.

Запустив руку в волосы, я заметил, что Валери порядком заляпала и меня своей кровью.

– Вилка. Я принес ей поест, – скорее, почувствовал, как боль кривой улыбкой расплзлась по моему лицу, – хотел увидеть за пять дней хоть раз свою жену.

– Она узнала о пожаре?

Кивнул скорее на автомате, чем обдуманно. Перед глазами все еще стояло устремившееся к животу острое ножниц.

– Ты решил позвать меня после этого? – Бак указал на мой бок. – Вот это дало тебе понимание того, что она сошла с ума?

Не знаю, почему, но из горла вырвался смех. Я посмотрел в глаза друга, усмехнувшись.

– Нет, Бак, – прикрыв глаза, я сглотнул ком, вставший в горле, – если бы Валери была в своем уме – она бы не целилась в бок. Воин не промахивается, Бак.

– Она бы нашла способ убить тебя.

Я кивнул, не открывая глаз. Холодная весна навевала мысли о маленькой землянке, где навсегда остались легенды, тепло, доверие и улыбка моей Исиды.

С громким стуком секундная стрелка двигалась, отмеряя время, оставшееся до чего-то неизвестного. Частый повторяющийся звук раздражал, но поставленное Баком лекарство заглушило эмоции. Кап. По тоненькой прозрачной трубке через катетер маленькая капля вошла в вену, отодвигая момент моего безумия. Кап. Уже почти все.

Мне позволили прийти в себя, а Крейн дал валяющуюся у него здесь запасную рубашку, чтобы я могла не продрогнуть насквозь в мокрой одежде. Сидя на его стуле, я смотрела в окно, наслаждаясь движением черных облаков по ночному небу. Как много всего интересного и неопишуемого было в природе. Ведь каждая деталь нужна для чего-то. У всего есть свое место. Даже самый маленький лучик солнца. Каждая букашечка. Ведь из всего этого и складывается неопишуемая жизнь Мира.

Так, может, я действительно нужна для этого?

Ведь Оливер тоже был для чего-то нужен.

Внутри снова все сжалось от этой мысли. Я положила подбородок на колени, рассматривая пальцы ног. Нужно что-то, способное заставить мыслить трезво. Каков бы ни был план Чудовища, что бы ни происходило, последнее, чем я могу помочь своим родным, это безумием. Ну и если что, меня-то уничтожить будет гораздо проще, чем его. Потому что я сама не хочу быть такой. Поэтому рано впадать в беспамятство. Назар не прав. Они ошибаются. Вздрыгнула, когда пальцы Бака выдернули катетер.

– Тебе бы поспать, – сморщив нос, Осирис закатил глаза, – кому я это говорю? У вас же кроме дела вообще ничего в голове быть не может.

Отодвинув от меня капельницу, Бак отошел к стене. Места в кабинете Крейна едва хватало на нас четверых. Елена все еще с подозрением смотрела на меня из под густых белых ресниц. Видимо, девушка застала не самый приятный момент. Улыбнувшись, я перевела взгляд на Эрика. Крейн что-то задумчиво чертил в блокноте. Ворот рубашки расстегнут так, что виден краешек шрама. Рукава привычно закатаны. Детектив над чем-то думал, крутя ручку в руках.

– Некроманты и Прик ведут какую-то свою игру, – согласно кивнув на слова Эрика, я поправила край рубашки, опуская ступни на прохладный приятный пол, – чего добивается Оливер?

Ослабленный организм просил. Нет. Требовал немедленно вытолкать всех отсюда и остаться наедине со своим Осирисом. Да, видимо, я точно в норме, раз размышляю так.

– Изначально мы думали, что он стремится Воскреснуть, чтобы вернуть Бесконечную войну, – Крейн кивнул, не отводя взгляд, – но что если он и не собирается воскресать? – Эрик прищурился, по привычке опустив голову набок, а я, облизнув губы, продолжила: – Некроманты считают, что Чудовище существовало столько времени в наказание. По сути, если мы посмотрим на все его эксперименты с другой стороны, то, возможно, пойдем Оливера несколько иначе? – я поморщилась от неприятного ощущения внутри.

– Что если он пытался таким образом умереть? – вопрос раздался от стены, где стояла Елена.

Мы оба кивнули.

– Да, – я сглотнула комочек, вставший в горле, растирая шрам на шее, – умереть, но чтобы дело его жило, – усмехнувшись, повернулась к Крейну.

– Это чистое безумие, – проговорил Бак, – зачем?

Эрик смотрел мне в глаза, словно пытался проникнуть в мою голову. Проникнуть. Вот это меня сегодня заносит из крайности в крайность. Так точно свихнусь. Крейн улыбнулся, будто прочел мои мысли. Ну конечно, так я и поверила, что тебе тоже это интересно.

– Потому что жизнь несет боль, Бак, – я кивнула на слова Эрика, – а уж то, что он делал с собой, давно. Поэтому идея заменить свое физическое тело на другого человека, которым сможешь управлять, не испытывая боли, не поглощенным безумием разумом, не такая уж и нереальная, – и я кивнула снова, улыбаясь Осирису, – некроманты считают, что поэтому ему понадобился ребенок? Назар сказал, что ты станешь такой, как он?

Хмыкнув на двойной вздох от стены, я улыбнулась.

– Некроманты уверены, что я в связи с последними событиями уже успешно видоизменяюсь, – хрустнув костяшками пальцев, я выдохнула, – смущает меня лишь одно.

Крейн встал со стула и подошел ко мне. Его взгляд внимательно прошел по моему лицу. Пальцы коснулись виска, пробегая около глаз.

– Ты слишком похожа на него, – я кивнула, продолжая смотреть на Эрика, – это очень очевидно и логично. Слишком. Будто нас снова подталкивают к неверному пути, который кажется наиболее правильным. Его дочь, его потоки.

– Да, я похожа на него так же сильно, как Макс – на тебя, а ты – на Рэндала. Оливер не зря всех нас крутит постоянно вместе, – Крейн усмехнулся и убрал руку.

– Он не хочет, чтобы мы полезли куда-то дальше.

Торжествующая улыбка расплзлась по моему лицу. Собрав волосы назад, я встала со стула Крейна, поправляя край рубашки и смотря в окно. Да, оно было действительно слишком высоко, но это не мешало видеть черное небо над Эписом.

– Вел, – Елена подошла к столу, выкладывая что-то из пластикового пакета, – вот это было в морге у Георга. Мне показалось странным их присутствие там, поэтому думаю, что тебе они что-то расскажут.

Тонкие пальцы в перчатках, едва касаясь поверхности вещей, наконец разложили их по столу. Пощупав поток, я потянула за него. Оне не поддавался так охотно, усыпленный успокоительным. Коснувшись пальцами деревянной поверхности стола, я закрыла глаза.

– Ищи, – приказ сорвался с губ, помогая потоку расплзтись нитями.

Первыми жизнь обтекла маленькие разноразмерные детские тапочки. Старые, заношенные, один больше другого, они вызвали у меня удивление больше всего. Это-то зачем призванному? В бурных пятнах, в пыли, они не давали мне покоя. Но, как и ожидалось, ничьих следов, кроме Георга и Елены, на них я не обнаружила. Та же участь ждала и обугленный пергамент. Слова на нем выцвели так сильно, что их невозможно было прочесть. Кусок бумаги размером

с четверть тетрадной страницы, с загнутыми обожженными краями, что-то зацепил в памяти, но тут же отпустил на задний план. Вернусь к нему позже.

Кольцо Крейнов, лежащее третьим предметом, удивило меня гораздо сильнее. Потoki послушно потянулись к металлу, но резко возникший купол энергии Эрика обрубил их. Я зашипела, одергивая руку.

– Ты двинулся, Крейн, – просипелая, хватая Осириса за кисть, восполняя поток, – что это было?

Детектив будто не слышал меня. Он разглядывал блестящее серебро так внимательно, что внутри вдруг похолодело. Белые пальцы сжимали Книгу, а прищуренный взгляд будто проникал внутрь предмета.

Будто ты кольцо не видел.

От следующей мысли глаза округлились. Я уставилась на железку, ощущая, как холодный липкий пот выступил на спине. Калейдоскоп воспоминаний крутился перед глазами.

Морг. Цепочка. Беспамятство.

Подземелье.

Исида.

Натали.

Лес.

До боли закусив губу, я смотрела на железку перед собой.

Как?

Ведь Рэндал уже не возвращался туда после Исиды.

Неприятно засосало внутри. Потoki, готовые коснуться кольца, скользнули обратно, подальше от неизвестности. Что-то шло не так.

Я уставилась на Елену.

– Нашла его три дня назад. Подумала, что упустила. Но, ты же знаешь, что я не могла упустить?

Отрицательно помотав головой, я подняла руки вверх.

– Друзья, во мне и так достаточно мертвых потоков, воссозданной энергии и прочего мусора, – я кивнула на кольцо, – поэтому эту дрянь я точно осматривать не буду. Все то, что на этот раз он будет давать – я ни прикоснусь ни к чему ни единым потоком, – усмехнувшись, я повернулась к Эрику, – он и так даже мертвый успешно проводит эксперименты над моей жизнью. Я не стану такой, как он.

Крейн кивнул, потянувшись к металлу. Бак схватил друга за руку и тут же покачал головой. Осирис нахмурился, глядя на металл.

– Теперь будем делать так, – сказала Елена, смотря на блестящий перстень, – все строго наоборот. Этой штуки явно должен коснуться кто-то из вас, – Марил ловко подхватила железку, – поэтому, пожалуй, родовое кольцо Крейнов пока поживет у меня.

Бакстер внимательно осмотрел предметы, лежащие на столе. Ловко сгребая их обратно в пакет, Осирис улыбался.

– Так, ну а это на ночь заберу я и попробую проанализировать. А вот вы двое, – Осирис ткнул пальцем в грудь друга, – едете спать, отдыхать и не доводить одни и так вареные мозги до безумия. У вас там, кажется, сына отобрать хотят? Подруга рожает? Вот и вперед, порешайте день проблемы семьи. А Оливер явно попробует привлечь ваше внимание.

Крейн повернулся ко мне. Я задумчиво разглядывала его лицо. Морщинки, так беспокоящие меня, круги под глазами. Только хотела открыть рот, как Эрик заговорил первым.

– Ты едешь со мной, – кивнув в сторону ребят, Крейн продолжил, – они правы. Последнее, чего ждет от нас Оливер – это спокойствия и бездействия. Уже и так понятно, что мы – основные действующие лица в его плане. А значит, чем меньше сейчас телодвижений, тем больше ему придется выходить из тени.

Глава 4

Когда-то в Эписе

От затянувшейся прогулки мои ножки устали. Я спотыкался, грозясь упасть, но мама и папа словно и не замечали этого. Взрослые шли быстро, крепко держа меня за руки. Светлая голова папы блестела на солнышке, красиво переливаясь разными оттенками цветов. Я всегда хотел волосы, как у него. Осирис. Мама говорит, что таких детей любит Всевышний. Наверное, они больше едят эту противную кашу. Но сколько бы я ни ел, волосики оставались такими же, как у мамы, практически черными. Хотя она говорит, что мы с ней самые красивые. Будто сама Исида плескалась в нашем взгляде. Так и говорила. Но все равно в папе мне нравилось все. Казалось, что он самый высокий человек в Мире. Большой и сильный с серебряными глазами. Он был похож на тех, кто окружал Всевышнего, когда тот еще ходил по земле.

Птичка. Большая и черная, она сидела прямо посередине тропинки, по которой мы шли. Она не была похожа на остальных. Прямо как я. Мне очень нравились разные животные, но родители не разделяли восторга. Я всегда приносил всех в дом. Котята, щенки, ящерки, змеи, птенцы. Они же такие маленькие. Очень милые создания. От вида этой птички хотелось прыгать и хлопать в ладоши, но папа с мамой держали крепко. Жалко. Мы уже прошли ее, а я все оборачивался.

– Не крутись, – строгий голос мамы заставил меня повернуться, – мы почти пришли, Оли, потерпи чуть-чуть.

Кивнув, я послушно шел, вдыхая приятные запахи лета. Мама говорит, что я уже скоро буду совсем взрослый. Конечно, мне шесть лет. Но я все равно еще очень много не понимаю. Вот куда надо было сегодня идти? Папа нес большую сумку в руках и почему-то старался на меня не смотреть. Это очень расстраивало. Я любил играть с папой. Когда-нибудь я вырасту и стану таким же сильным, как он. Мама так говорит. Если, конечно, буду есть кашу и слушать взрослых. Хорошо, что осталось совсем чуть-чуть.

Большая блестящая Исида огибала красивый Дом. Странно, раньше мы никогда тут не были. Папа ускорил шаг, и мы потянулись за ним.

Высокая светловолосая тетя улыбалась мне, но она не понравилась. Женщина протянула руку, прикоснувшись к моим волосам. Я нахмурился, пытаюсь спрятаться за папу, но тот отдернул ладонь, передавая женщине большую сумку. Тогда, ухватившись за мамину ногу, я спрятался за ней. Женщина коротким кивком поприветствовала папу.

– Я рада видеть вас в Доме Рабоса, Алан. Вы можете не волноваться. Ваш сын вырастет достойнейшим из Рабосов и обязательно пройдет через Врата. Даже несмотря на последние события, – женщина как-то нервно оглянулась, – Всевышний сам благословил это заведение.

Папа кивнул, оглядываясь на меня. Мама как-то очень крепко сжимала мою руку. Я хотел выбежать к папе, но она не дала. Родители ругаются? Мама нервничала. Ее ладонь была мокрой и липкой. Так всегда было, когда они ругались.

– Не глупи, – мягкий голос папы, – отпусти его.

Мама трясла головой, делая шаг назад, отчего я чуть не упал.

– Дорогая, вам не о чем волноваться, – противный голос тети, – это его судьба. Так сказал Всевышний.

Мама опустила на колени, повернувшись ко мне. Большие синие глаза смотрели с каким-то беспокойством. Я тоже нервничал, ведь я чувствую маму. Она убрала с моего лба челку и коснулась губами лица. Теплые пальцы перебирали мои волосы, взлохмачивая их. Мне нравилось, когда мама так делала, поэтому я улыбнулся.

– Милый, тебе нужно будет пожить здесь, – на глазах мамы выступили слезы, – так хочет Всевышний. А мы все должны его слушаться.

Я непонимающе смотрел на маму.

– Вы меня больше не любите? – от таких слов моя нижняя губа задрожала.

Мама прижала меня к себе, а я обнял ее за шею крепко-крепко. Мама плачет? Папа отвернулся от нас.

– Любим, сынок, – его голос хрипел, будто ему было тяжело говорить, – очень любим, Оли. Но так хочет Всевышний.

– Послушай меня, – мама отодвинулась, сжимая мое лицо в ладонях, – ты – Воин. Эти люди научат тебя, как быть настоящим Рабосом. Ты будешь самым сильным, еще сильнее, чем наш папа. И как только закончишь учиться – вернешься домой. А мы тебя всегда будем ждать, дорогой, – грустная улыбка мамы скользнула по лицу.

– А это долго? – я посмотрел на тетю. – Мне еще нужно доесть кашу.

– Нет, Оливер, – женщина смотрела на меня, улыбаясь, – время пролетит незаметно, вот увидишь. Тут будет много детей, вам будет весело.

Папа подошел к нам и коротко поцеловал мои волосы. Мужчины не плачут и не должны проявлять ярко чувств. Мы сильные. Папа улыбался.

– Слушайся старших, сынок, – папа положил руку на плечо мамы, – все, Валери, заканчивай. Нам пора.

Мама кивнула, еще раз прижав меня к себе. Я взрослый. Воин. Они говорят со мной как со взрослым, и я должен понять. Я буду сильнее папы. Хотя во всем Эписе не отыскать сильнее. Поэтому я помахал родителям и решительно повернулся к тете.

– Пойдемте. Я готов.

Холодные пальцы женщины сжали мою ладошку. Я вытирал слезы, но старался тихо. Мужчины не плачут. А я стану сильнее, чем даже сам папа.

Натали испарилась, стоило нам переступить через порог. Что-то бормоча себе под нос, с торжествующей улыбкой Осирис подхватила сумку и скрылась в ночи Эписа, не давая и шанса ее окликнуть. Оставалось надеяться, что еда, приготовленная ей, не исчезла так же быстро, как она сама. Видимо, Крейн думал о том же, потому что, быстро заглянув в спальню Макса и убедившись, что тот спит, тут же скользнул на кухню.

Вот и что прикажете делать? Сняв свои многострадальные кеды, я поправила веревку, которой на талии перехватила рубашку Крейна. Экстра-короткое, но все же платье закрывало все, что должно скрывать. Да и, учитывая мою худобу это не так сильно бросалось в глаза. Тем более ночью. Некоторые наряды Елены, которые я успела лицезреть, в разы короче. Так что уж Крейн точно переживет меня в таком виде. Жаль, что я не успела расспросить Натали, есть ли какие-то новости от Эли. Звонить Бену, а уж тем более призванному, не хотелось. Ладно, завтрашний день, кажется, наконец-то будет принадлежать мне самой.

Зайдя на кухню, я невольно улыбнулась. Сильнейший из живущих, наследник великого благородного рода Крейнов, Осирис, воскрешенный, детектив Башни Смотрящих, герой Эписа и Бесконечной Войны зачерпнул половником суп, стоя у открытой двери холодильника, придерживая ее коленом, и с удовольствием отхлебывал бульон. Скорее всего, где-то в склепе Крейнов сейчас недавно упокоенный Рэндал перевернулся. Причем два раза. Второй – когда капля сползла по подбородку Эрика, и он вытер ее рукавом. Да, голод такая вещь. Забудешь и о происхождении, и о всем воспитании. Поймав меня краем глаза, Крейн улыбнулся.

– Налить? – я кивнула, проходя внутрь и усаживаясь на стул.

Пока Крейн отточенными движениями открывал дверцы шкафа и разливал суп, я не могла отвести от него взгляд. Ведь кажется, что мои чувства были так очевидны. Но почему столько лет я не замечала их? Сколько раз я говорила, что люблю его, невольно? Потому что знала это, потому что действительно считала так. Я любила Эрика Крейна сильнее, чем кого-либо. Но почему-то упорно считала себя связанной с Лавром. Ведь на самом деле все было наоборот. Мы дружили с Максом с детства. Брат моей подруги, теплая семья. Он, несомненно,

был очень мне дорог. И я даже была влюблена в него. Только же это не шло ни в какой сравнение с тем, что я чувствовала, находясь рядом с Эриком. Как же это объяснить. Ужасный Мир, где нет будущего, окрашенный красным, вдруг становился цветным рядом с ним. Спокойствие, окутывающее меня даже тогда, когда вокруг была одна смерть.

Вот сейчас, просто смотря на него, я чувствовала, как все проблемы вдруг отступают на второй план. Вот для этого нужна семья? Чтобы было куда прийти и почувствовать себя по-настоящему в родном месте. Дома. Так удивительно. Я ненавидела эти стены. А сейчас я переступила порог и с моей души будто скатился огромный камень. Думаю, я просто боялась того, насколько сильно люблю его. Как можно было потерять все это? Не заметить лучшего, что было во мне.

Тарелка опустилась передо мной, наполненная до краев. Я рассмеялась, глядя в недоумевающие серые глаза Эрика, присаживающегося рядом.

– Вы с Натали решили сделать невозможное и превратить меня в первого в Мире толстого Рабоса? – взяв ложку в руки, я зачерпнула суп.

– Так уж у нас заведено, совершать невозможное, – Эрик улыбался.

Ели мы в тишине, лишь иногда позвякивая ложками о край тарелок. Несмотря ни на что, я доела до конца. Рабос не оставит еду, даже если она будет лезть обратно. В Доме никто не спрашивал, хочешь ты есть или нет. Не хочешь – твоя тарелка отдается другому, а ты ходишь голодный. Не доел – завтра кормить не будут. Еда была священной для детей Дома. Чтобы она из себя ни представляла.

– Дом не такой, как был раньше, Вел, – Эрик заговорил первым, отодвигая пустую тарелку, – пока мы не придумаем, что сделать с новыми законами, ничего страшного не произойдет, – Крейн хмыкнул, – там не осталась уже человека, который бы не боялся тебя.

– Или тебя, – Эрик усмехнулся, – да, Крейн, я знаю. Сейчас нет войны, а у Макса есть родители, которые оторвут голову любому. Так что, что бы ни задумал Прик с некромантами, у них ничего не выйдет. Даже инициация не сделает ему ничего плохого, – я пожала плечами, – Макс прирожденный некромант.

Крейн смотрел на пустую тарелку, перебирая пальцами по поверхности стола. Несмотря ни на что, мы все равно нервничали. Он был еще слишком маленьким. Но я была здесь, Эрик тоже. Макс сейчас в позиции благородных для Дома. А им там ничего, кроме войны, не угрожало. Рабосы же боятся некромантов, поэтому их звериное чутье не даст ему навредить. Все в порядке.

– Со мной тоже все в порядке, – я протянула руку, легонько касаясь пальцев Крейна, – это не повторится. Слышишь? – наклонив голову, пыталась заглянуть в глаза Осириса. – Просто одно навалилось на другое. Я гораздо сильнее, чем была раньше, Эрик. Все хорошо.

– Ты совсем ничего не помнишь?

Я отрицательно помотала головой.

– Бак рассказывал больше какие-то собирательные вещи, ничего конкретного. А все, что осталось в моей памяти, это размытые ощущения. Больше образы, чем конкретные воспоминания, – невольно пожав плечами, я отдернула руку, но Эрик не дал, сжав мои пальцы.

– Расскажи о них.

Зажмурившись, я тряхнула головой. Та часть памяти, куда я старалась никогда не возвращаться. Слепое пятно, навсегда скрытое от моего сознания. Но если это важно.

– Шум воды. Исида постоянно будто окружала меня, а я пыталась вынырнуть. Очень часто она становилась красной и горячей, будто пыталась сжечь меня. А когда удавалось вынырнуть ненадолго, ощущала аромат цветов. Этим моментам очень радовалась. Глотку воздуха и нежному теплу солнца на лице, – разведя руками, я открыла глаза, – как-то так. Конечно, были еще голоса сквозь толщу воды, но я никогда не могла их разобрать.

Эрик задумчиво посмотрел в окно. Пальцы Смотрящего все еще сжимали мои, отчего тело невольно плавилось. Спокойно. Даже сейчас, вспоминая время безумия, я не нервничала. Так странно.

– Когда потеплело, – голос Эрика хрипел, отчего Осирис закашлялся, – я постоянно выводил тебя в сад. Там ты охотнее ела и легче засыпала на свежем воздухе. Часами могла смотреть на небо, повернув лицо к солнцу и зажмурившись, – грустная улыбка на лице Крейна зацепила что-то живое, больно потянув внутри. – В такие моменты ты почти была нормальной. Даже иногда что-то бормотала про себя, улыбаясь.

С беспокойством глядя на Эрика, я наклонилась вперед.

– Я навредила тебе? – голос не поддавался.

Крейн посмотрел на меня. Так теперь всегда будет? От каждого его взгляда внутри что-то будто отрывается и начинает бешено колотиться в груди. Как же мне нравилось, когда он смотрел на меня. Эрик прищурился, будто снова понимал, о чем я думаю.

– Нет, Вел, – протянув руку, Крейн убрал прядь волос с моего лба, – ты не сделала ничего плохого.

Сердце перевернулось, а я сжала свободную руку в кулак. Рядом с ним невозможно держать себя в руках. Кто же думал, что все это превратится в какую-то пытку? Так было хорошо и плохо одновременно, что я отвернулась, пытаясь за что-нибудь зацепиться взглядом.

– Почему записка, Вел? – я вздрогнула от вопроса. – Почему ты просто не могла сказать мне это в лицо?

Внутри все дрожало. Голос не поддавался, а пальцы тряслись в лихорадке. Он должен знать. Это не может так продолжаться.

– Наверное, потому, что я всегда знала, что это неправда, – рука Эрика дернулась, а мне показалось, что пальцы хрустнули в этот момент.

Не сводя взгляда со стены, я подбирала слова, не находя подходящих. Как оправдать собственную глупость? Как объяснить, что не было тут виновных, кроме меня самой?

– Что?

Вдохнув поглубже, я закрыла глаза.

– Ты не Чудовище. То, что произошло в лесу, спасло жизнь целым поколениям людей. А я лишь пыталась перекинуть на тебя всю вину, которую испытывала сама. Ведь гораздо проще найти крайнего, чем признать, что весь мусор в себе. Я ненавидела себя, Эрик, а не тебя, – сглотнув ком, вставший в горле, продолжила: – Никогда в жизни я не ненавидела тебя. Я просто слабая дура, не знающая, как справляться с обычной жизнью. Мне нужна была драма, события, движение. Страдания, Эрик, – вдохнув еще раз почувствовала, что сердце встало где-то в горле, – вот я и создала себе их. Чем не супер-миссия – положить свою жизнь на исправление ошибок? Знаешь, в секунду, когда я увидела, как первый некромант упал на землю, я поняла, какая же дура. Когда же кинжал коснулся твоей груди, – рука снова дернулась, – я поняла, что дура я еще большая, чем мне казалось, – покусывая кончик пальца, я слышала, как противно громко тикали часы.

Снова. Что за надоедливый предмет. Я тут вопросы жизни решаю, а они упорно напоминают о ее скоротечности. О том, сколько лет живут Осирисы. О том, что буквально через десять лет я буду стареть, а он останется таким же, как сегодня. Если мы, конечно, разберемся с этим тревожно-серым пятном на его волосах.

– Я люблю тебя, Вел, – голос Эрика заставил повернуться, хотя услышанное дошло не сразу, – и этого не смогли изменить ни Война, ни твое безумие. Разлука длиною в пять лет, – Крейн кашлянул, но не отрывал взгляда от меня, – я чувствовал каждое твое перерождение. Мне не нужно было восстанавливать связь у Исиды, Вел, – теплые пальцы легли на мою щеку, заставляя зажмуриться от удовольствия, – она никогда не исчезала. И что бы ни было написано в той легенде, даже смерть не смогла этого изменить, – Крейн закусил губу, закрывая глаза, –

а теперь скажи уже что-нибудь в твоём стиле. Про друзей, связь, Лавра, долг, происхождение. Что там ещё твоё любимое? «Это не мы, Эрик». Все остальное. Только быстрее, потому что я уже готов поверить в обратное.

Похоже, что я мастер тупых отговорок. Неудивительно, что Крейн не воспринимал это всерьёз. Да как я сама вообще могла в это верить? Улыбнувшись, тихонько поднялась со стула, устраиваясь у Эрика на коленях и обхватив его шею. Уголки губ Смотрящего дернулись, но глаза он так и не открыл.

– Я уже говорила тебе, Эрик. Ещё одно наводнение из слёз Эпис бы не пережил, – наклонившись к уху Осириса, я тихонько поцеловала самый краешек, – я люблю тебя, Эрик Крейн, столько, сколько себя помню. Хотя ты, конечно, тоже тот ещё дурак.

– У тебя есть три секунды, чтобы сказать, что я не так понял, – подхватывая меня на руки, отчего я взвизгнула, проговорил Крейн, быстро вышагивая в сторону спальни, – три.

Дотянувшись до тонкой кожи за ухом, я прикоснулась губами, слегка прикусывая. Осирис пропустил вздох, а его горло нервно дернулось. Проведя кончиками пальцев по длинной белой шее, я прижалась сильнее, укладывая голову ему на плечо.

– Передумал. У тебя нет ни секунды.

– Ну я вообще спать хочу, – притворно зевнув, я прикрыла глаза.

Эрик хмыкнул, поворачиваясь ко мне.

– Конечно. Сейчас сразу и выспимся.

Губы Эрика накрыли мои, вызывая одобрительный стон. Первая попавшаяся дверь гостевой спальни была тут же распахнута. До второго этажа мы явно не дойдем. Крейн опустил меня на кровать, не разрывая поцелуй. Прикусив его губу, слегка потянула на себя. Под звук хриплого рыка, вырвавшегося из рта Осириса, я быстро расстегивала какие-то бесконечные пуговицы на его рубашке. Крейн поступил проще. Разорвав веревку, завязанную в узел на талии, он быстро стянул с меня рубашку через голову. Ртутная радужка почти исчезла в его глазах, превратившись в тоненькую нить. Жадный взгляд прошёлся по телу, отчего внутри тут же разгорелся пожар. Я потянулась, губами охватив шрам, белеющий на груди. Будто пытаюсь стереть его, мой язык жадно касался каждого миллиметра раненной кожи. Крейн застонал, прижимая меня обратно к кровати. Крепче охватив его ногами, я чувствовала ужасающую пустоту внутри. Желание охватывало с головой. Прикоснувшись к его груди, я вела ладонью, поглаживая каждую мышцу, попадающуюся на пути. Скорее. Когда моя рука коснулась края ремня, Крейн вздрогнул, уткнувшись носом в мою шею. Его пальцы едва коснулись моей груди, как я выгнулась, прижимаясь ближе.

– Па-а-а, – голос Макса в коридоре заставил нас отдалиться друг от друга, – папа.

Натянув быстрым движением рубашку через голову, я села на кровати, пытаюсь отдышаться. Крейн усмехнулся, запустив пальцы в волосы.

– Я здесь, Макс, – крикнул Эрик, подмигнув мне, – иди сюда.

Ребенок показался в дверном проеме, потирая кулачком глаза. Он обнимал какую-то игрушку непонятного происхождения. За сыном послушно семенила маленькими лапками крохотная белая собачка. Отлично, мы подняли весь дом.

– Мама? – ребенок удивленно посмотрел на меня. – А ты теперь будешь жить с нами?

Сглотнув слюну, я невольно пожала плечами, но Крейн тут же тихонько шлепнул меня по пальцам.

– Да, милый.

Ребенок недоверчиво перевел взгляд на отца.

Интересно, что происходит в детской голове в такой момент? Наконец Макс перестал хмуриться и со смехом завалился к нам на кровать, ложась посередине.

– Тогда сегодня, чур, спим все вместе.

Крейн вздохнул, но улыбка не сходила с его лица.

– Только без Чика, договорились?

Макс послушно кивнул, закрывая глаза. Маленькие ладошки похлопали по кровати рядом с собой.

– Ложитесь скорее, я хочу спать.

Крейн нагнулся ко мне, слегка коснувшись губами моих.

– Я же сказал, что выспимся.

Дом.

Глава 1

Маленькие пальчики осторожно трогали мое лицо, вытаскивая сознание из приятного сна. Я улыбнулась, не открывая глаз, все еще надеясь ухватить немного из забытия. Макс осторожно провел по ресницам, отчего хотелось засмеяться. Щекотно. Любознательный ребенок. Даже сквозь сон чувствовала, как он разглядывает меня. Так же, как я раньше всегда всматривалась в каждую его черточку, когда он спал.

– Макс, оставь маму в покое, – в голосе Эрика легко угадывалась улыбка.

– А почему она так долго спит? – Тонкие пальцы схватили за сережку и потянули. – Мы же уже не спим.

– Ты не спишь, – почувствовала легкое касание руки Крейна о щеку, пока тот разжимал пальцы сына, – потому что неугомонный ребенок, я – потому что не хочу, чтобы ты поднял еще и маму.

Повисшая тишина снова благополучно туманила разум, отпуская меня в сон. Тепло. Даже дышится будто легче. Так странно. Я столько лет убегала, а теперь вернулась домой. Тихое дыхание касалось моего лица. Масик. Уже такой взрослый.

– Пап, – теперь сын говорил шепотом, но звонкий детский голос невозможно сделать тихим, – а почему у мамы так много циферок?

Прохладный пальчик осторожно прикоснулся к шраму, обводя каждый рубец. Ребенок повторял очертания числа, вырисовывая снова и снова.

Она просто не принимает тебя.

Ведь что-то в этом было. Трижды. Рабос с ребенком, ставший некромантом. Казнь некроманта через переход. Воскрешение. Каждый раз она снова делала выбор в мою пользу.

Так в мою ли?

Безмолвная, кто прав?

– Расскажи мне, – не открывая глаз, я потянула сына на себя, укладывая рядом, – откуда берутся циферки у Рабосов?

Горячая рука Крейна легла на мою талию, притягивая к себе ближе. Губы мимолетно коснулись виска, давая понять, что все произошедшее мне не приснилось.

– Давай, Макс. Я же тебе объяснял, – Крейн зарылся носом в мои волосы, отчего по рукам побежали мурашки, – привет, – шепотом около самого уха заставил улыбнуться и открыть глаза.

Лохматый Макс в мягкой синей пижаме лежал около меня, играя моими пальцами. Так забавно, в его белых руках кожа приобретала еще более темный цвет. Ребенок хмурился, сводя брови на переносице, кончик маленького носа забавно дергался.

– Когда-то давно, когда в Эпис пришли плохие люди, Всевышний создал войско. Он долго думал, как сделать их сильнее, чтобы защитить Мир. Чтобы Воины были непобедимы, надо было смешать лучшее от перворожденных и благородных. Дети Осирис и Ра стали этим Войском. Сильнейшим и не знающим поражений. Но Воины погибали, а за Вратами оставалось все меньше места. Тогда Всевышний и придумал отмечать каждого Воина, чтобы тот проходил за Врата, как только придет его очередь, – ребенок вздохнул, подняв глаза на меня, – папа

говорит, что каждый Воин перерождается снова, освобождая место за Вратами для новых прибывающих.

Я согласно кивнула, еле сдерживая смех. Самая милая история про предназначение Рабоса, которую только можно было придумать.

– А еще папа сказал, что у тебя так много циферок, потому что ты часто возвращаешься, не доходя до Врат. Это правда?

Пожав плечами, я легонько толкнула локтем беззвучно смеющегося мне в шею Осириса. Сказочник. Это надо было все так перевернуть? Страшная история о предательстве, наказании и вечных муках превратилась в рассказ о героях и перерождении. Лучше не придумаешь.

– Все так, милый, – улыбнувшись, я щелкнула сына по кончику носа, – а если когда-нибудь кто-то скажет тебе иначе – не верь. Воин не должен колебаться. А многие захотят показать тебе совсем другую историю. Чтобы получить власть над силой, заключенной в тебе.

– Мам, – ребенок сел, серьезно смотря на меня сверху вниз, – а кто твои родители?

Возраст почемучки. Рука на моей талии прижала сильнее, успокаивая. А я смотрела в бездонные синие глаза. Внимательные, блестящие, как бурная Исида. С черными крапинками. В обрамлении густых белых ресниц.

– Всевышний и Безмолвная мои родители. Других у ребенка Дома Рабоса и быть не может.

Где-то, Бесконечная война

Валери

Солнечные лучи играли на поверхности Исиды, покрывая воду серебристым мерцанием. Удивительно теплое летнее утро тянуло скорее освежиться в такой приветливой реке. Вытерев ладонью пот, проступивший на лбу, я опустилась на зеленую траву, влажную от росы. Ночь выдалась сложной. Перед глазами все еще стояла рваная рана под ребрами Крейна. Тварь вцепилась в друга почти на рассвете. Я снова потеряла бдительность, упустила момент, когда чудовище зашло за спину. Осирис спас меня, за что сам тут же поплатился. Конечно, он не сказал ни слова. Я даже подумала, что все обошлось. Он же как-то играючи всегда справлялся с этими тварями. Подумаешь, клацнула зубами где-то у него за спиной. Но когда мы добрались до укрытия, Эрика била лихорадка, а футболка пропиталась кровью.

Сегодня мы вернемся в Дом. С Крейном срочно нужно поговорить. Пора прекращать его походы. Обстановка накалялась, чудовищ становилось больше. Они как-то... умнели? Да и с Максом тоже. Им все игрушки, а ведь так в одно мгновение я могу потерять и парня, и единственного друга. Эрик и так зачастил последнее время. Каждый мой поход был с ним, словно он собирался до конца жизни водить меня к чудовищам за ручку. Это ослабляет бдительность, когда твой напарник – сильнейший из Осирисов. Мне восемнадцать. Я сама уже должна учить мальков.

Конечно, слаженности нашей команды завидовали. Никто не мог предположить даже, что мы так сработаемся. За столько совместных походов мы научились подстраиваться друг под друга, знали сильные и слабые стороны. Нам не нужно было думать, как бы не зацепить своего во время битвы. С Максом такого не было. Даже обидно. Что касается ведения боя, сколько ни пытались, каждый раз то я залезу в его энергию, то он в мою. Это не только неприятно, но еще и отвлекает. Поэтому пару раз помучились и решили, что вместе мы сможем побыть и в Доме. А я продолжу походы с Крейном. Лавр лишь усмехался, торжественно заявляя, что не ревнует. Ведь ревновать Рабоса к Осирису то же самое, что воду к огню. Да и ревновать к Крейну... Даже если предположить, что когда-нибудь я захочу с ним переспать, придется встать в очередь, где номер получу с цифрой покруче, чем моя. Эрика обожала добрая половина женской части Дома, а он отвечал им взаимностью. Когда успевает только?

Ладно, тварь вроде ничего важного ему не зацепила. Прижгли и все дела. Сейчас отоспится немного и будет как новенький. Так всегда было. Надо только придумать, чем его накор-

мать. Ослабевший напарник, пусть и сильнейший, то еще удовольствие. Особенно этот Осирис. Оставить его сейчас там одного было не страшно. Тут скорее боязно за то чудовище, что рискнет приблизиться к нему, когда он спит. Но стоит ему открыть глаза, начнется. Ой, попить, ой, в глазах потемнело, как я слаб, хочу еды, нет, не этой. Погладь, почеси, Расскажи сказку, посиди, полежи, постой на голове. Конечно, Крейн дурачился. Осирис прекрасно понимал, что чувство вины от его ранений сжирало меня так сильно, что я готова носиться вокруг него кругами. И активно этим пользовался. Со временем это уже стало обязательным ритуалом. Если кто-то из нас ранен, второй играет роль мамочки. Вот и как после этого сработаться с новым напарником?

Оглянувшись на землянку, я все же аккуратно положила Книгу на землю. Очень быстро искупаюсь. Усталость тяжелым грузом лежала на плечах, а от прохладной воды станет легче. Тем более еще зайца какого-нибудь ловить, а у меня перед глазами все плывет. Скинув потертую португую, я с удовольствием потянулась. Тяжелые ботинки, штаны и футболка тоже улетели в сторону. Повернувшись к Исиде, ощутила легкую дрожь в коленях. Да, детские воспоминания не дают покоя. Но тут не так уж и глубоко. Одним движением, выставив руки вперед, я нырнула в воду.

Прохладная Исида дружелюбно приняла меня, успокаивая уставшее тело и даря покой. Показавшись над поверхностью, я набрала побольше воздуха и нырнула снова, плывя к самому дну. Правда мелко. Песчаное дно с разноцветными камушками едва заметно двигалось от подводных потоков. Сегодня Исида благосклонна. Коснувшись блестящего песка, я оттолкнулась, снова показываясь на поверхности.

Черная фигура, сгорбившаяся рядом с оставленной одеждой, перекидывала из руки в руку мою Книгу. Лазутчик? Не похож. Сердце стучало у горла, но, сглотнув слюну, я сделала два гребка к берегу. Он же не нападает.

Пока.

Вот этим моментом и надо пользоваться. Все мое оружие было около незваного гостя, а преобразователь вообще в его руках. Не теряя времени, я внимательно разглядывала мужчину в поисках того, что может о нем рассказать.

Простая одежда, которую можно увидеть у каждого Рабоса в Доме. Черная, тонкая, не стесняющая движений. Майка и штаны, подобные моим, Такие же тяжелые ботинки и португоя, усыпанная клинками. Смуглая кожа и черные длинные волосы, убранные в высокий тугой хвост, подсказывали, что передо мной или Ра, или Рабос. Можно было вздохнуть с облегчением, если бы не одно но. Сильные накачанные руки и шея гостя были покрыты письменами Безмолвной. Некромант. Тонкие нити шрамов белели на лице, местами прерывая сеть татуировок.

– Не бойся, – гость повернулся ко мне, открывая свое лицо полностью, – я не причиню тебе вреда.

Он улыбался. Склонив голову набок, мужчина прищурился, разглядывая меня. А я не могла вымолвить и слова. Позвоночник будто пронзили стальным прутком, не давая и шанса пошевелиться. Конечно, все Рабосы несколько похожи друг на друга. Но... Бездонные синие глаза с черными крапинками, любопытно скользящие взглядом по моему лицу.

Такая же нить тонких губ, словно разрезающая кожу.

Горбинка на носу.

Острый подбородок. Ухо одно чуть выше другого.

Слишком высоко изогнутая правая бровь.

Сглотнув слюну, я коснулась ногами дна, делая шаг.

– Я, конечно, знал, что ты будешь похожа на меня. Но настолько, – незнакомец развел руками, все еще сжимая мою Книгу, – это даже удивительно, – усмехнувшись, гость прикрыл глаза, – а меня уже мало что может удивить, Вел.

Стараясь дышать ровно, я кинула взгляд на зажатый в его пальцах преобразователь. Он засмеялся, подкидывая Книгу в руках.

– Валери, серьезно? Эта пустышка не нужна тебе, дорогая. Все, что необходимо для того, чтобы быть собой, у тебя уже есть, – он швырнул Книгу в сторону, – или моя дочка еще не наигралась в Его игры? – гость посмотрел на небо и прищурился.

Проводив взглядом Книгу, я снова посмотрела на незнакомца. Тянуть время и подходить ближе. Португея недалеко от него. Сделав еще один осторожный шаг, я заговорила.

– Я даже не знаю, как тебя зовут, – не отрывая от него взгляда, сказала я.

Гость засмеялся, обнажив белые зубы. Стараясь не дернуться от ужаса, я сохраняла спокойствие. Это потом мой разум попробует все это осознать. Не сейчас. Сию секунду важно просто выжить.

– О, Безмолвная, Всевышний, вы это слышите? Этот ребенок нагло врет мне в глаза, – зацокав языком, он прищурился, – не то стало воспитание в Доме. Ой, не то.

Приподняв бровь, я поняла, что невольно отзеркалила его выражение лица. Разве можно быть настолько похожей? Копией. Практически неотличимой его версией.

– И все же, папа, – выплюнув последнее слово, постаралась не подавиться. – Я же могу знать твое имя?

– Оливер, детка, – он улыбнулся, кинув взгляд на мою португею, – но все вы предпочитаете называть меня Чудовищем.

Пожав плечами, я постаралась унять дрожь в руках. После, Валери. Сейчас надо выбраться. Ты подумаешь об этой реальности позже.

– Видимо, у нас есть повод, Оливер, – сказала я, кивнув на лес.

– «Папа» мне понравилось больше, – сморщив нос, Чудовище поднялось с земли, – какие-то странные родительские инстинкты, не находишь? Одних детей любят, других бросают.

– Как ты меня, например? – по блеснувшим глазам гостя я поняла, что попала.

– Не говори о том, о чем не знаешь, – скрипнув зубами от злости, прошипело Чудовище.

– Мне восемнадцать, Оливер. А я вижу тебя в первый раз. Зато твоих созданий регулярно. Это родительская забота? – засмеявшись, я ударила по воде руками. – Они чуть не убили меня, Оливер. Несколько раз. Это родительская любовь?

Кулаки Чудовища сжались. По лицу заходили желваки, выдавая его бешенство. Он закрыл глаза, чтобы не видеть меня. А мне только это и было нужно. В прыжке выскочив на берег, я подхватила португею и перекатилась у самых ног Оливера. Рука, схватившая меня за волосы, безжалостно тянула вверх. Закричав от боли, я попыталась вырваться, но ничего не могла сделать.

– Да, вы вырастаете в настоящих зверей, Валери, – злые слова полетели мне в ухо.

– Зато ты прямо-таки приближенный Всевышнего, – знакомый голос Осириса раздался совсем близко.

Чудовищной силы удар выбил меня из рук Оливера. Он засмеялся, отводя руку в сторону. Секунда. Вытащив первый попавшийся нож, я загнала его под лопатку Оливера. Чудовище засмеялось еще сильнее, поворачиваясь ко мне.

– А вот это было очень хорошо, девочка. Ни секунды колебания. Браво, – не успела я проделать этот трюк второй раз, как Оливер просто исчез, растворившись в пространстве.

Повалившись на землю, я растянулась на траве, широко раскинув руки в стороны и глядя в чистое голубое небо. Ничего не изменилось. Я все та же Валери. Воин Бесконечной войны, ребенок Дома. Сглотнув слюну, я подняла руку. Очень вовремя, так как в этот момент мне в лицо прилетела моя одежда. Заспанный Крейн упал рядом, протянув мою Книгу.

– Ребенок, наши родители не определяют, кем мы будем, – голос Эрика звучал успокаивающе, даже с какой-то леню, – не думай об этом.

Кивнув, я повернулась к Осирису. Эрик жмурился на солнце, прикрыв глаза рукой. Выглядит вполне здоровым. Даже несмотря на то, что его отец тот еще урод. А он с ним вырос. Так что самое лучшее – просто забыть об этом, как о страшном сне.

– И вообще, Вел, – Крейн смешно нахмурился, обидчиво надув губы, – я тут тяжело раненный кушать хочу, а ты валяешься, пока твой единственный и неповторимый напарник умирает от голода, – засмеявшись, я легонько пнула Осириса по ноге.

– Как, Эрик, скажи мне, как тебя вообще выносит хоть кто-то больше десяти минут? – закатив глаза, я пнула Осириса еще раз. – Ты будешь самым противным старикашкой в Мире. Лет через сто. Это же просто невыносимо, твое нытье от царапины! – закатив глаза, я повалилась на землю обратно.

– Да, да, и я тебя люблю, Вел. Ну правда, давай поедим, а? – приподнявшись на локте, Крейн смотрел на меня своими утягивающими куда-то вглубь серыми глазами.

– Сейчас поедим, – со вздохом поднимаясь, сказала я, натягивая футболку.

– Только не рыбу, пожалуйста, – улыбнувшись, я закатила глаза.

Началось.

Понежившись в кровати еще минут десять, Макс подскочил с кровати и побежал умываться. Откуда столько энергии в маленьких детях? Под звонкий лай Чика, вприпрыжку ребенок скрылся за дверью.

– Как-то мне не нравится, что ты ни разу ко мне не повернулась, – одним движением Эрик перевернул меня на спину, тут же оказавшись сверху, – это бунт, манти Крейн?

Тонкие пальцы тут же проскочили под рубашку, играя на моих ребрах. От щекотки я рассмеялась, дергаясь и пытаюсь спихнуть с себя Осириса. Эрику было мало. Схватил мою ногу, тонкие пальцы прошли по стопе, заставляя визжать от смеха.

– Эрик, перестань, – заливаясь смехом, тут же потянулась к своему мучителю, – это жестоко.

Хитрый блеск в глазах Осириса мне понравился. Крейн притянул меня к себе, сминая губы глубоким поцелуем. Подхватив мою руку, он прижал мою ладонь к затвердевшей мужской плоти, явственно выступающую сквозь легкую ткань.

– Жестоко – это то, что сейчас мы пойдем завтракать, Вел, – улыбнувшись, Осирис коснулся губами нежной кожи шеи, – до крика Макса осталось три, – прикусив, Крейн слегка потянул кожу на себя, тут же зализывая, отчего внизу живота сладко потянуло, – два.

Перехватив лицо Осириса, я коснулась его губ, не желая расставаться с ним ни на секунду. Скользнув самым кончиком языка, тут же убрала его, но Эрик перехватил, не давая закончить игру.

– Я умылся! – радостный крик и топот ног по коридору заставил нас обоих рассмеяться.

Крейн посмотрел на меня, убирая волосы с лица. Поймав его палец губами, я лишь слегка поцеловала его. Рванный выдох вырвался из груди Крейна. Прижав меня к себе, Осирис уткнулся носом мне в волосы. Мой Осирис.

– Я сейчас скажу сопливый ужас, а ты про него забудешь, ладно, – его дыхание приятно щекотало волосы, отчего я улыбнулась и тихо кивнула, – скажи, что это не сон.

Немного отодвинувшись от Осириса, чтобы видеть лицо, я положила ладони на его щеки, пальцами поглаживая так пугающие меня морщины. Эрик внимательно наблюдал за мной, но молчал. Потеревшись кончиком носа о его щеку, я прижалась сильнее.

– Знаешь, думаю, я скажу что-то получше, – поцеловав уголок глаз, где собрались гусиные лапки, прошептала, – я люблю тебя, Эрик Крейн.

– Ма-а-а, па-а-а, – требовательный детский голос из коридора не дал расслабиться снова, – я хочу кушать!

Рассмеявшись, я спрыгнула с кровати, босиком шлепая в сторону коридора.

– Знаешь, Крейн, он во всем твоя копия. Даже в этом, – и, выглянув в коридор, по которому туда и обратно бегали Макс с Чиком, крикнула: – Мы уже идем!

Глава 5

Скинув огромные тома со стола, Бак тяжело опустился в большое кресло, стоящее посередине комнаты. Осирис явно устал, пока тащил все это на второй этаж в бывший кабинет Рэндала. Пыль, поднятая старинными фолиантами, тут же пробралась в нос, противно щекоча. Чихнув, я сняла ладонь, оберегающую мой кофе, с чашки и сделала глоток. Бак заявился, стоило мне только выйти из душа. Взлохмаченный, с горящими от вдохновения глазами, он просто прошел внутрь, не замечая никого на своем пути. Чик не оценил, облаяв гостя, но, поняв, что на него никто не обращает внимания, засеменил на кухню к мужской части семейства Крейнов.

Кинув взгляд на дверь, Бак от нетерпения стучал пальцами по столу. Светлые глаза бегали по предметам, разложенным на деревянной поверхности. Приятно было отметить, что никакого присутствия Рэндала в этой комнате больше не ощущалось. Фото Макса, вставленное в рамку, аккуратно стояло на самом краешке, не захламывая поверхность. Ручка да неизменный блокнот. Ничего лишнего. Полный порядок, в лучших традициях Крейнов.

Опустившись на диван, я поджала под себя ноги, поправляя прилипшую к еще влажной спине майку. Размяв шею, аккуратно прошлась пальцами по шраму. Мягкая вода и крем успокоили его, поэтому сегодня он меня не беспокоил. Больше рефлекс. Вредная привычка, от которой я не хотела отказываться. Всегда важно помнить, кто ты есть на самом деле.

Забежавший в комнату Макс с радостным криком тут же забрался на колени Бака. Осирис улыбнулся, усаживая ребенка удобнее. Крейн, вошедший через секунду, тут же зацепился взглядом за книги, лежащие на столе.

– Дядя Бак, а мы сегодня спали все вместе! – от торжествующего крика ребенка я подавилась кофе.

Закашлявшись, отставила горячую чашку в сторону, вытирая выступившие на глазах слезы. Вот это впечатлений у ребенка. Чуть мать не убил. Эрик издевательски легонько похлопал меня по спине. Удивленно приподняв бровь, Бак посмотрел на меня. Я пожала плечами, не понимая, что должна сказать.

– Макс, я уверен, что дяде Баку это не очень интересно, – сказал Эрик, опускаясь на диван рядом со мной.

– Так, парень, не слушай этих глупых взрослых, – щелкнув Макса по носу, произнес Осирис, – мне очень интересно, во всех подробностях и деталях. Но после, ладно? Сейчас у дядя Бака скучные взрослые дела, дай пять, – Осирис поднял руку, а Макс ладошкой звонко ударил по ней, рассмеявшись.

Сын подскочил с коленей Бака и бегом направился к выходу, где его звонким лаем встретил Чик. Откинувшись на спинку дивана, я прикрыла глаза. Бак сторал от предвкушения, дразня мой голод своими эмоциями. Легонько потянув поток, почувствовала изменение. Да, Бак всегда был не так прост. Сейчас воздух буквально забило любопытство, исходящее от Осириса. Приподняв веки, я посмотрела на Бака.

– Хватит эмоционировать. Я хочу есть, – сказала я, глядя в светлые, почти молочного цвета радужки, лишь слегка окрашенные голубым.

– Прежде чем начнем, – друг Эрика кивнул на дверь, улыбаясь, – неужели эти двое передо мной наконец-то достигли взаимопонимания?

Крейн тоже смотрел на меня вопросительно, хитро прищурившись. Два взрослых мужика, а устроили детский сад. Закатив глаза, я отвернулась к двери, стараясь скрыть покрасневшее лицо. Мы тут, по-моему, Мир спасаем, а не нашу личную жизнь. Что за привычка любой разговор начинать с сеанса психотерапии.

– Да, Бак, мы теперь одна большая дружная семья, – проговорила я, противно растягивая слова, – как переспим, сообщу тебе голубиной почтой. На этом все?

Эрик беззвучно смеялся, прижав кулак к лицу, отчего ямочки на его щеках углубились еще больше. Кажется, кто-то совсем впадал в детство рядом со мной. Ну или в юность. Вспомнив сегодняшнее пробуждение, я надеялась, что не покраснела еще больше. Так ясности мыслей мы точно не добьемся. Бак улыбался, кружась в мягком кресле Рэндела.

– Не утруждайся, – Бак пытался придать лицу серьезное выражение, но получалось плохо, – просто позвони мне, Вел, – заговорщицкий шепот получался у Осириса гораздо лучше.

Потерев глаза, я кивнула на фолианты. Покрытые пылью книги интриговали. От них пахло чем-то знакомым. Какая-то едва уловимая нить. Безмолвная. Даже ее следы были на этих книгах. Изогнув бровь, я посмотрела на Бака.

– Рассказывай, – Эрик опередил меня, – какие мысли?

Бак кивнул, осторожно положив руку на одну из книг.

– Знаете, всю ночь разглядывая оставленные предметы, я задумался, а от чего именно пытается увести вас Оливер? Ведь он так узко обозначает границы, оставаясь всегда в тени. Чудовище превратилось в имя нарицательное. Мы привыкли, что он существовал всегда, ассоциировали его с Бесконечной войной, – Бак сглотнул слюну, – поражаясь его долголетию, поставили его в один ряд с Всевышним и Безмолвной. Но ведь не всегда было так, – Осирис нервно снял очки, потирая переносицу.

– Даже Безмолвная была человеком, – сказала я, внимательно вглядываясь в глаза Бака, – Осирис, Исида. Это имя носила Безмолвная.

Бак кивнул, нервно перебирая пальцами.

– Да, Вел. А ведь некроманты существовали задолго до рождения своей госпожи, как и река, которую после назвали именем утонувшей в ней девушки, – я почувствовала, как глаза округлились, – но сейчас не об этом. Тогда я и подумал, а что нам в принципе известно об Оливере?

Крейн поднял руку, тормозя Бака.

– Подожди, как не об этом? Тебе не кажется, что это важный момент истории, который тоже может повлиять на исход? – Крейн поднялся с места и взял в руки один из фолиантов.

Бак тяжело вздохнул, прикрывая глаза.

– Тогда коротко, – Бак вздохнул еще раз, – когда Валери рассказала, что открылось ей в видениях, – да, не рассказывать же Осирису, что я все это видела, когда Воскрешала его друга, – я немного покопался в том, что мы с тобой переворачивали в поисках информации об Исиде и связи между ней и Осирисом. Но прежде, чем я продолжу. Кто из вас помнит, сколько благородных, вышедших под свет солнца, были удостоены вздоха Всевышнего?

Мы с Крейном переглянулись. Эрика учили этому с самого детства, да и меня тоже. Просто не все, чему нас учили, в итоге оказалось правдой. Историю писал Всевышний и его приближенные, поворачивая и изменяя так, как ему было необходимо. Чтобы люди боялись и любили. Это можно понять. Но как тогда оценивать ту правду, что была нам известна. Пожав плечами, я ответила.

– Одиннадцать, – сглотнув слюну, я потеряла шею, в горле отчего-то пересохло, – одиннадцать мужчин и одиннадцать женщин получили вздох Всевышнего. Они и стали основателями сильнейших родов Осирис.

Бак кивнул, довольно улыбнувшись. Расстегнув пуговицу у шеи, которая явно мешала ему говорить, Осирис прочистил горло.

– Именно так. Только вот я думаю, что на самом деле их было двенадцать. Слова легенды о первом Осирисе, не измененной, той, которую читали мы с Эриком, гласят, что за ним вышло одиннадцать мужчин и одиннадцать женщин.

Крейн тут же отложил Книгу и вытащил из середины черную. Быстро перелистывал страницы, ища нужный текст. Наконец он остановился. По мере прочтения он выглядел все более удивлённым, потом кивнул. Я нахмурилась.

– Подожди, но тогда Исида тоже должна была быть среди них? – спросила я, но Бак отрицательно покачал головой.

– Нет, Вел. Исида была чистокровным Осирис, родившимся в одной из немногих образованных тогда благородных семей. По сути, ее зачали еще в подземелье. Так она невольно и стала двенадцатой женщиной, получившей вздох Всевышнего, – Бак посмотрел на свои пальцы, – девочка из рода, известного сегодня как Марил, Исида была слабой здоровьем от рождения и утонула в реке при весьма загадочных обстоятельствах.

Эрик вздохнул, глубоко вбирая воздух. Оливер же не мог не знать этого? Волна мурашек прокатилась по всему телу, неся за собой ужас.

Толща воды. Я не могу выбраться. Такая приветливая, но тянущая меня на дно.

Если дерево ударило вас по голове, то это судьба, Валери.

Осирис, переживший слезы Исиды.

Разве слез может быть так много, чтобы они превратились в реку?

– Безмолвная вышла из подземелий, куда ее и вернули после смерти, – Бак кивнул, а я прикрыла глаза рукой.

– Именно так, Валери. Но Осирис, чье имя опять-таки не упоминается нигде, до момента ее взросления и воссоединения жил один на протяжении как минимум семнадцати лет. Сильнейший, получивший первый вздох Всевышнего. И это та самая мысль, которая заставила меня задуматься о биографии Оливера, – сглотнув слюну, Бак снова обратился с вопросом: – Сколько лет должно было пройти как минимум, чтобы родившиеся первые Рабосы смогли поднять восстание и получить наказание в виде Дома?

Крейн неопределенно пожал плечами.

– Предположим, что семнадцать, – проговорил Эрик, сложив руки на груди.

Бак отрицательно покачал головой.

– Нет, друг мой. Во-первых, восстание Рабосов точно происходило после смерти Исиды. Ведь первые слова Дома Рабоса гласили еще при его открытии – тот Воин, что переплывет Исиду, получит и силу, и поддержку ее, – Бак загнул палец, – во-вторых, мы помним, что Исида была зачата еще в подземельях, чего нельзя сказать ни об одном Рабосе. Даже если предположить, что люди сразу после выхода кинулись друг на друга – это примерно полгода младше Исиды, – ну, и в-третьих...

Эрик поднял руку, привлекая внимание и останавливая Бака. Осирис замолчал, вопросительно глядя на друга. По бегающим глазам и пальцам, нетерпеливо перебирающим по столешнице, было понятно, что Бак ждет не дождется, когда сможет рассказать все.

– Тормози, друг, – Крейн улыбнулся, глядя на Бака, – прежде, чем ты придешь к выводам о том, что Оливер или ребенок Исиды, или первого Осириса, или Исиды и Всевышнего, давай поставим точки в паре моментов. Ты, к сожалению, допустил несколько серьезных ошибок. Подстроил факты под версию. Во-первых, с чего ты взял, что реку называли в честь девушки, утонувшей в ней, а не то, что самого ребенка называли в честь реки? – Крейн устало потянулся.

Бак открыл рот, будто пытаясь сказать что-то. Но промолчал. Вытянув палец вверх, он вытащил самую нижнюю книгу из стопки. Я лишь краем глаза заметила, как на страницах показалось родовое древо Марил. Осирис упорно листал, а после, двигая пальцем по строчкам, тихонько шептал что-то себе под нос. Наконец он остановился. Будто не веря своим глазам, пробежался глазами еще раз. И тут же с диким грохотом захлопнул фолиант, кидая его в сторону.

– Так, и как это теперь меняет логику выводов? – спросил Осирис, задумчиво глядя на поверхность стола.

– Первое. Возраст Рабосов. Самые старшие из них, верно, были лишь на пару месяцев младше Исиды. Следовательно, они и могли совершить восстание, – Крейн заметил мой кофе, стоявший в стороне, но, перехватив его взгляд, я тут же подхватила чашку, – да и Дом Рабоса мог спокойно существовать еще при жизни Исиды. С этим разберемся позже. Второе. С чего вы оба взяли, что Безмолвной не было до самой Исиды?

Тут уже была моя очередь округлить глаза, недоуменно моргая. Мы с Баком посмотрели друг на друга, но, так и не поняв, к чему клонит Осирис, повернулись обратно.

– Сам Всевышний частенько любил обращаться в человека и бродить по земле. Почему Безмолвная не могла хотеть прожить человеческую жизнь?

Задумавшись, я пробежалась взглядом по фолиантам. Что-то смущало, но не могла понять, что именно. Наконец мысли пришли в порядок.

– Подожди, Эрик. Книга Безмолвной была написана человеком. Она имеет на себе следы живых потоков. Как это объяснить? – Крейн улыбнулся немного снисходительно, а я закатила глаза.

– Некроманты, Вел, – Эрик прочистил горло, – они существовали задолго до гнева Всевышнего. Еще до того, как родился новый Мир, упоминались и Он, и Безмолвная. Ваши письмена, которыми покрываете тело, это знаки старого времени. И очень стыдно быть некромантом, Вел, и не знать этого, – Крейн, улыбаясь, отвернулся обратно к столу, – поэтому Книгу Безмолвной и прятала ваша община. Они понимали, кем была Исида. И знали, чем ее слово может быть опасно.

Задумавшись, снова я поднялась с дивана и стала мерить комнату шагами. Всегда успокаивало и помогало мыслить. Что-то упорно не сходилось. Двенадцать мужчин, и с Исидой столько же женщин. Благородных в итоге одиннадцать. Тряхнув головой, я прислонилась к столу, разглядывая книги. Всевышний создает новый Мир. Рождаются Ра и Осирис, появляются Смотрящие. Рабосы вызывают гнев и люди получают преобразователь, без которого не могут использовать Дары Всевышнего. Но не Безмолвной. Ее Дары древнее нового Мира. Сжав изо всей силы столешницу пальцами, почувствовала, как хрустнули костяшки. Мысль проскользнула в голову, но она была слишком ужасной, чтобы быть правдой. В горле пересохло от волнения.

– Когда началась Бесконечная война? – слотнув слюну, я попыталась привести голос в порядок, но это не помогло.

Две пары глаз смотрели на меня не отрываясь. Моргнув, выдохнула, пытаюсь совладать с собой.

– Как некроманты пережили гнев Всевышнего? – переформулировала свой вопрос.

Крейн понял. Зрачки в серых глазах расширились, заливая серую радужку. Сердце стучало в горле, грозясь разорваться. Эрик сделал шаг, но я выставила руку вперед, не позволяя Осирису приблизиться. Не сейчас.

Мертвый поток зудел у кончиков пальцев, грозясь вырваться.

Что будет с тем, кто примет Дар Безмолвной, Валери?

Мертвое – мертвой.

Не наигралась в Его игры?

Она просто не принимает тебя.

Ведь на земле должен быть хоть кто-то, способный защитить ее детей.

Ее Войско.

Павшее от гнева Всевышнего. Изуродованное, видоизмененное.

Живое, что мертво.

– С чем мы боролись, Эрик? – я подняла глаза, не позволяя слезам вырваться наружу. – С кем?

Чудовища, реагирующие на любое проявлении энергии. Как я на жизненные потоки. Глаза, полные голода.

Ты забыла, что я не примитивный?

Смуглые руки, покрытые письменами Безмолвной.

Ты просто пытался их вернуть, Оливер?

Тогда кто из нас Чудовище?

Сползая по краю стола на пол, я и не пыталась уцепиться за что-либо. Лишь удержать сознание. Воин не должен сомневаться. Мертвое – мертво. Даже если они не повинны в этом. Нельзя менять естественный ход вещей. Жизнь предназначена исключительно для тех, в ком будут живые потоки.

Именно поэтому Безмолвная все же написала ритуал, где возможно Воскрешение, Валери?

Нет, нет. Не Воскрешение – замещение. Жизнь одного на жизнь другого. Равноценный обмен. Никаких эгоистичных желаний. Исида написала это. Давая шанс изменить жертву.

Мысль заставила снова подскочить на ноги. Я не отрываясь смотрела на грудь Эрика, где под тонкой тканью рубашки – точно знала – проходил ужасный шрам, оборвавший его жизнь.

Жизнь Осириса.

Вот она, нить к Оливеру.

– Валери? – Бак настороженно смотрел на меня. – Ты с нами?

Кивнув, я повернулась к Осирису.

– Исида не просто утонула. Я дарую жизнь лишь одному из вас, помните? – благородные синхронно кивнули, не отрывая взгляд от меня. – Безмолвная совершила обмен. Она написала Ритуал, с помощью которого отказалась от своей жизни на земле в пользу Осириса. Не было никакого двенадцатого.

Бак провел пальцем по книгам и улыбнулся. Крейн проводил движение друга взглядом, но тут же повернулся ко мне.

– Для того чтобы уничтожить Оливера, нам больше не нужно выяснять, как он погиб впервые? – я кивнула, улыбаясь.

Стараясь не задумываться о том, хочу ли я этого.

Для чего Безмолвная даровала мне жизнь трижды?

Некромант, способный чувствовать.

– Я смогу упокоить его, если буду знать, к какому роду он принадлежит, – указав на книги, проговорила я.

Только не думать. Задушить потоки.

Не сегодня.

– Для этого я и принес, – проговорил Бак, улыбаясь, – узнать, у кого из Осирисов была связь с кем-то из Ра, не думаю, что будет слишком сложно. Тем более, что один вариант кажется, кхм, наиболее очевидным, – Бак смотрел на Эрика каким-то немного виноватым взглядом.

Усмехнувшись, Осирис подхватил книгу.

– Расслабься, дружище. Даже если он Крейн, то Валери в самом худшем варианте какая-то там сестра моего отца. Поверь, это я переживу, – и с невозмутимым видом Эрик принялся перелистывать страницы.

Когда-то очень давно, Дом Рабоса

– ...Вот поэтому, Оливер, замысел Всевышнего при всей его жестокости настолько гениален и непостижим обычному человеку, – Матвей, активно жестикулируя, блистая восторженным взглядом, вырвал меня из мыслей, приблизившись вплотную, – понимаешь?

Конечно. Только заткни свой рот и дай мне спокойно отсидеть наказание. Три дня в подвалах без еды. Не очень жестоко. Запихнуть сюда зубрилу-фанатика – вот истинный почерк

Дома. Они всегда находят твоё слабое место и бьют по нему. Каждому зверю своя клетка. Интересно, что он-то натворил? Хмыкнув, я лениво приоткрыл глаза, не поднимаясь с каменного пола, приятно охлаждающего спину. Матвея невозможно заткнуть. Видимо, он достал не только меня, но и кого-то из Сестер. Хрупкий, словно девушка, как он в принципе преодолел Исиду? Разве что она сжалась на нём и выкинула на берег. Светловолосый и светлокожий, мог сойти и за благородного. Говорят, что такие Рабосы – редкость. Да и я подобных пока не встречал. Угрозило же меня съездить приехавшему Прику по морде именно вчера. Устроили смотрины. Беснуются с жиру детишки Осирисов, раз захотелось экскурсию в Пограничный лес.

Чудовища, наполняющие его, не знали пощады к тем, кто допускает ошибки. Только те, кто внимателен и осторожен, беспощаден и хитер, выбираются из него снова и снова. Приятно быть лучшим. Только вот мелочь, которую постоянно швыряют со мной, вечно служит приманкой для этих тварей. Раздражает. В восемнадцать лет сидеть в карцере несолидно. С другой стороны, хоть тут отдохну. Когда ещё послушаю лекцию о нашем Всевышнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.